

УДК 902.01

О НАХОДКАХ ГЛИНЯНЫХ КОНУСОВ НА ГОРОДИЩАХ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ УКРАИНСКОЙ ЛЕВОБЕРЕЖНОЙ ЛЕСОСТЕПИ (АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОНТЕКСТЫ И ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ)¹

© 2017 М.Н. Дараган

Статья посвящена исследованию одной из наиболее массовых категорий находок на городищах скифского времени Днепровской Левобережной Лесостепи – так называемых глиняных конусов. Эти изделия высотой 5–10 см могут иметь сквозные отверстия, вдавления (часто симметричные) или же поверхность их гладкая. У некоторых экземпляров сочетаются сквозные отверстия и вдавления. Функциональное назначение конусов остается не ясным. Рассматриваются археологические контексты, в которых найдены конусы Кнышовского и Бельского городищ. С помощью средств пространственного анализа установлено, что скопления конусов встречаются в культурном слое, ямах и возле жертвенников. Изучение сопровождающих находок позволило сделать предварительные выводы относительно функционального назначения конусов разных типов. Рассматриваются варианты их использования как ткацких и рыболовных грузил, а также ставится вопрос об их использовании в культовых практиках местного населения.

Ключевые слова: ранний железный век, Украинская Лесостепь, городища, глиняные изделия, конусы, вальки, жертвенники, культовые практики, ткачество, рыболовство, пространственный анализ, скифы, античность.

Введение.¹ При изучении памятников скифского времени Днепровской Левобережной Лесостепи крайне редко учитывается такая категория инвентаря, как глиняные конусы, известные также как конусовидные грузила. Имеется в виду группа изделий из глины в виде конусов высотой от 5 до 12 см при диаметре основания до 10 см и весом 150–400 г² (Рис. 2–7). Такие изделия найдены на всех памятниках региона (Щербань, 2007, с. 151). Они появляются в VII в. до н.э., но пик распространения приходится на V и даже

больше на IV в. до н.э., когда на поселениях их находят тысячами. Массовость находок, безусловно, свидетельствует об их систематическом использовании населением.

Конусов совсем нет на памятниках скифского времени Днепровского Правобережья (Ковпаненко, 1967, с. 128), а также на Дону и в Посеймье, хотя различные массивные подделки из глины там известны (Пузикова, 1997, с. 78–80; Медведев, 1999, с. 78). Но самое главное: их нет ни в предшествующих, ни в последующих культурах не только этого региона³, но и на сопредельных территориях. То есть, это феномен, характеризующий исключительно культуру скифского времени Днепровского Лесостепного Левобережья.

Изделия в виде конусов имеют ряд отличительных особенностей.

1. Выделены конусы с гладкой поверхностью; со сквозными отверстиями; с вдавлениями по корпусу разной глубины. Вдавленный – одно или два, реже – три (Гавриш, 2000,

¹ Работа выполнена в рамках стипендии, предоставленной фондом Александра фон Гумбольдта (Alexander von Humboldt Stiftung) по теме: «Assimilation and transformation of the space at the end of the Bronze Age - early Iron Age in the Northern Black Sea Coast: geoinformation analysis of the transformation of settlement and burial structures». Осмысление этой категории находок стало следствием изучения пространственной ситуации на городищах скифского времени. В качестве модельных городищ были выбраны наиболее исследованные: Восточное Бельское городище площадью 72 га, где вскрыто не менее 45 тыс. кв. м, и Кнышовское городище площадью 4,5 га, где вскрыто около 5000 кв. м. Пристальный интерес к конусовидным грузилам обусловлен также тем фактом, что они часто сопутствовали культовым комплексам и связанным с ними находкам человеческих черепов (Daragan, Gavriš, 2017).

² Данные по результатам обмеров некоторых конусов из Кнышовского и Басовского городищ.

³ В бондарихинской культуре позднего бронзового века на дне одной из ям помещения 4 поселения Ореховое-Донецкое-IV найдены 2 глиняных конуса (целый и фрагментированный). В остальном массиве бондарихинской культуры таких изделий больше нет. Аналогии в синхронных культурах известны только далеко на западе в культуре Гава. Поэтому предполагается, что конусы являются импортом и использовались населением бондарихинской культуры в обрядовых целях (Підобід, Усачук, Циміданов, 2016).

рис. XXVI:15). На некоторых из них фиксируются бессистемные пальцевые вдавления по всему корпусу (Шрамко, 1956, с. 63), реже – на вершине конусов.

2. Конусы бывают хорошего обжига, слабого и необожженные.

3. На поселениях они встречаются по одному или же в виде скоплений.

4. Вместе с конусами нередко встречаются похожие изделия в виде цилиндров или больших шаров, также с отверстиями или без них. Иногда рядом с конусами находят глиняные «хлебцы». Это изделия яйцевидной формы длиной от 7 до 11 см. Как и конусы, они разной степени выделки и обжига, с гладкой поверхностью или же с вдавлениями (Рис. 16).

Интерпретации.

В подавляющем большинстве публикаций, в которых упоминаются конусы, как правило, отмечается, что функциональное назначение этих изделий остается невыясненным (Шрамко, 1956, с. 63; 1998, с. 117; Либеров, 1962, с. 62; Гавриш, 2000, с. 106). Б.А. Шрамко полагал, что, скорее всего, они применялись для различных целей: подставки для вертелов у очага или для лучины, грузики для ткацкого станка и т.д., но при этом оговаривал, что «обстоятельства, в которых они найдены, до сих пор не позволяют определить их назначение однозначно» (Шрамко, 1998, с. 117).

Вариант интерпретации конусов в качестве грузил вертикального ткацкого станка был предложен Б.А. Шрамко после находки на Восточном Бельском городище конусов со сквозными отверстиями, лежащих на одной линии между двумя ямками от вертикальных столбов (Шрамко, 1973, с. 109). Эту точку зрения поддержал А.Л. Щербань. Обработав некоторые из грузил с отверстиями из Кнышовского и Восточного Бельского городищ, он также отметил, что внутри отверстий заметны следы трения от нитей, что является весомым аргументом для их трактовки как подвесов ткацкого станка. Он также предложил свой вариант реконструкции вертикального ткацкого станка с грузилами, аналогичными найденным на поселениях скифского времени (Щербань, 2007, с. 148-152; Мал. 71-72). Что касается конусов без отверстий, то, по его мнению, их в ткачестве не использовали, поскольку привязывать их к нитям неудобно и нецелесообразно (Там же, с. 62).

Г.Т. Ковпаненко (1967, с. 128) и Б.Н. Граков (1971, с. 77) предполагали, что конусы могли быть частью сводов печей, а В.А. Ильинская – заготовками глины для

гончарства и строительства (Ильинская, 1965, с. 68).

Несмотря на массовость находок конусов на поселениях, в вышедших за последние годы работах по материальной культуре этого региона анализ контекстов, позволяющих соотнести эти объекты с определенным видом деятельности, не проводился. Неясно и соотношение между различными вариантами конусов: встречаются ли они в одинаковых контекстах или же в различных, вместе или же отдельно.

В подавляющем большинстве случаев, по публикациям и даже по отчетам, не удается установить полные данные о местонахождении конусов. Например, в значительном количестве они (целые и в обломках) найдены при раскопках Басовского городища В.А. Ильинской в 1947, 1957 и 1959 гг. Часть из них была довольно хорошего обжига, другие – слабо обожженные. Отдельные экземпляры – довольно крупные, высотой до 16 см, с диаметром основания 10,5 см (Рис. 7, 1, 2), но большей частью высотой около 8 см, при диаметре основания 7–8 см. На большинстве конусов имелись пальцевые углубления (Рис. 7, 3–14). В полевых отчетах не оговорено, где и в каких контекстах они найдены. Только в одной публикации указывается, что иногда они встречались кучками до 10 штук (Ильинская, 1965, с. 68); об этом же свидетельствуют две приведенные в отчете фотографии. К этому можно добавить, что в 1947 г., судя по имеющейся в отчете схеме, было выявлено несколько близко расположенных скоплений конусов в верхней части культурного слоя; тогда же в яме 1 раскопа 1 найдено 5 обломков глиняных конусов (Ильинская, 1959, с. 8).

Только в некоторых случаях исследователи оговаривают контекст находок конусов. Так, при исследовании культового комплекса зольника № 28 Западного Бельского городища удалось зафиксировать, что глиняные конусы, наряду с пряслицем и керамикой, были использованы при строительстве одного из жертвенников (Шрамко, Задников, 2006, с. 16). Найдены они и в некоторых ямах (№№ 17 и 19), расположенных возле культового комплекса (Шрамко И., 1990, с. 7, 8). Глиняные конусы (с отверстиями и без них) выявлены также при исследовании культового комплекса на городище у с. Караван (Шрамко, 1957, с. 187).

Методика работы. Цель этой статьи – выявить и рассмотреть контекст находок конусов на Кнышовском и Восточном Бельском городищах.

Это стало возможным после изучения пространственного расположения археологических объектов на этих памятниках. Предшествовало этому создание геоинформационных проектов (ГИС) по обоим памятникам. Источником данных ГИС-проектов послужили картографические материалы и отсканированные и геопривязанные к планам городищ планы раскопов. Техническое исполнение реализовано программными средствами ArcGIS 10. В среде ArcGIS была создана файловая база геоданных, включающая набор классов точечных и полигональных объектов в формате шейп-файлов с сопутствующими им атрибутивными значениями. Были созданы слои (точечные, линейные и полигональные), соответствующие всем категориям материальной культуры, выявленным на городищах. Примеры классов пространственных объектов: ямы, печи, очаги, жертвенники, фрагменты черепа человека, предметы культовой пластики, глиняные конусы, пряслица и т.д. По данным полевых отчетов и описей находок были нанесены на сводные планы городищ места основных локаций конусов.

О местонахождениях конусов на Кнышовском городище⁴.

Основные раскопки на Кнышовском городище провел П.Я. Гавриш в 1988–1993 гг. Вскрыт восточный сегмент памятника площадью около 5 тыс. м², примыкающий к оборонительному валу (Рис. 1; 8). На этом участке найдено более 2 тыс. конусов (Гавриш 2000, с. 106), в том числе не менее 44 скоплений, включающих от 5 до более 60 экземпляров⁵. Пространственный анализ расположения скоплений позволил выделить следующие повторяющиеся их местонахождения.

Скопления конусов, найденные рядом с жертвенниками.

Речь идет о скоплениях, выложенных на культурном слое на одном уровне с жертвенниками, и о скоплениях, найденных в верхней части засыпи ям, расположенных также вблизи жертвенников (Daragan, Gavriush, 2016).

⁴ Искренне признательна П.А. Гавришу за разрешение использовать неопубликованные материалы Кнышовского городища. В основе этого раздела легли авторские полевые отчеты П.А. Гавриша за 1988–1993 гг. (Гавриш, 1988; 1989; 1990; 1991; 1992; 1993).

⁵ В общую сводку вошли скопления от 5 фрагментов. Хотя во многих ямах находили от 1 до 4 конусов или их фрагментов. Такие эпизоды ввиду их массовости в данном исследовании не учитывались.

Скопление не менее чем из 16 конусов выявлено рядом с жертвенниками №№ 6 и 7 (Рис. 9, 2). Конусы имели по два симметричных глубоких вдавления на корпусе, а также неглубокое вдавление на вершине (Рис. 2, 18, 19). В глине некоторых из них – отпечатки зерен злаков. Два больших скопления конусов без отверстий были выявлены в районе жертвенников №№ 25 и 26. Одно из них находилось между жертвенниками на одном уровне с ними. Конусы из этого скопления имели одно или два вдавления (Рис. 2, 10, 28). На дне некоторых из них просматриваются отпечатки зерен злаков (Рис. 3, 2). Второе скопление устроено в метре севернее жертвенника № 25 (Рис. 2, 2, 4, 25). На этом участке конусы были найдены также в заполнении ям 12, 18, 34 и 38.

Два скопления конусов были найдены рядом с жертвенником № 27 (Рис. 9, 4). Одно из них находилось северо-западнее жертвенника, а рядом в 0,5 м к северу на одном уровне с ними отмечена небольшая кучка отмученной глины. По всей видимости, из нее брали глину для изготовления конусов. Второе скопление было устроено восточнее жертвенника на заполнении ямы 40. Здесь найдено 23 конуса, из них только один со сквозным отверстием.

В 2,5 м севернее жертвенника № 29 на заполнении ямы 57 компактной группой лежало 60 необожженных конусов. Эти конусы со средней высотой 5 см имели по три симметричных вдавления на корпусе. Среди них встречались круглые изделия, также с симметричными вдавлениями. В глине всех взятых на хранение конусов из этого скопления заметны отпечатки зерен злаков (Рис. 3, 4–6, 9). В 2,2 м к югу от жертвенника № 33 скопление конусов выявлено в заполнении ямы 71. Рядом с жертвенником № 40 скопление из 6 конусов оказалось в заполнении ямы 19. К северу от жертвенников №№ 42 и 43 на одном уровне с ними в культурном слое устроено два скопления конусов. Они были слабо обожженными и при прикосновении рассыпались. Конусы из этих скоплений имели два противоположных пальцевых вдавления на корпусе. Еще одно скопление из нескольких обломков и целого конуса находилось в 3 м западнее жертвенников. Также в большом числе конусы вместе с костями крупных животных встречались на участке возле жертвенника № 44.

Скопления конусов в культурном слое. Скопление из 32 слабообожженных конусов открыто в кв. 29-30/С3-4. Здесь они лежали в толще культурного слоя на глубине 30 см вытянутой полосой шириной до 50 см и

длиной до 170 см. В скоплении также встречались крупные кости животных и фрагменты керамики (Рис. 9, 1). Несколько скоплений конусов выявлено в зольнике рядом с ямой 109. Кроме того, скопление из 10 глиняных конусов найдено при раскопках зольника в 1954 г. В.А. Ильинской. Большинство конусов из зольника конической формы высотой от 5 до 10 см. Многие из них гладкие, другие – с неглубокими пальцевыми вмятинами по сторонам, но встречаются и конусы со сквозными проколами (Рис. 4, 19, 20).

4.3. Скопления конусов в ямах.

Скопления конусов обнаружены в ямах: 18 (14 конусов), 38 (29 фр.), 39 (31), 50 (19), 56 и 59 (по 12), 61 (15), 62 (23), 63 и 136 (по 8), 64, 85 и 91 (по 6), 72 (7), 75 (12), 142 (9), 157, 158 и 159 (по 5), 185 (11). Во всех случаях конусы были найдены в заполнении ям.

В яме 79, являющейся колодцем, на разных глубинах найдено 167 фрагментов конусов и несколько целых экземпляров. В заполнении ямы 82 обнаружено скопление из трех целых конусов, одного целого цилиндра и несколько десятков фрагментов конусов и цилиндров. У цилиндров на торце имеются воронкообразные вдавления глубиной 1,5–3 см, которые обычно бывают на гранях конусов. Всего в заполнении ямы на разных уровнях было найдено 66 фрагментов конусов.

В нижних слоях заполнения ямы 117 обнаружено скопление из 30 конусов (целых и поломанных). Все они сделаны из хорошо отмученной глины с небольшой примесью шамота, обжиг – высокого качества, изделия прочные, с ярко-желтым или красно-рыжим оттенком. У всех – пальцевые вдавления по середине корпуса напротив друг друга. Высота – от 7,5 до 8,8 см, диаметр основы – от 7,5 до 9,3 см (Рис. 2, 15, 27). На одном уровне с конусами в яме встречались кости крупных рыб и рыба чешуя диаметром до 15 мм.

В яме 143 найдено 33 конуса, с одним или двумя вдавлениями на корпусе, с отпечатками зерен злаков в тесте некоторых экземпляров (Рис. 3, 1, 3). В скоплении были также глиняные вальки и цилиндры (один из них с отрезками на конце), как целые, так и крупные фрагменты (от 4–6 до 10–12 см).

В яме 192 обнаружено 9 конусов и 12 вальков (один из них длиной 11,5 см, шириной 6,7 см, высотой 5,5 см). На одном уровне с ними рядом с глиняной зооморфной статуэткой под большим черепком лежала кучка рыбьей чешуи.

В яме 199 выявлено 12 конусов, из них только один с отверстием. Рядом с конусами лежала рыба чешуя, она же прилипла к одному из конусов.

В заполнении ямы 84 зафиксировано 24 конуса хорошего обжига со сквозными боковыми отверстиями. Их высота 8–9 см, диаметры основания 6,2 (7,2) × 8,1 (8,5) см, вес 300–370 г (в среднем 336 г) (Щербань, 2007, с. 150) (Рис. 4, 1–18). Всего же в заполнении ямы на разных уровнях найдено 97 фрагментов глиняных конусов, в большинстве своем без отверстий.

Следует отметить, что в ямах 18, 38, 71, 79, 82, 117, 143, 192, 199 конусы были найдены вместе с предметами культовой пластики, а в яме 50 обнаружены фрагменты черепа человека. Сверх того, на исследованном участке городища в культурном слое и в ямах обнаружено много отдельных конусов.

Основная масса выявленных на городище конусов – без отверстий. Как правило, у них на корпусе с боков имеются по два пальцевых вдавления друг против друга на глубину 1,5–3 см, а иногда вдавления есть и на вершине конусов. Обжиг большей части – слабый. Высота конусов 7–10 см, диаметр основания 6–12 см (Гавриш, 2000, с. 106). Сквозные проколы имелись только у конусов из ямы 84 и у некоторых единичных экземпляров из других скоплений и отдельных находок.

Хронология. Стратиграфические наблюдения показывают, что в основном скопления конусов относятся к позднему этапу существования городища, к IV в. до н.э. Скопления конусов в районе жертвенников, судя по сопровождающим античным материалам, относятся ко времени не ранее второй – третьей четверти IV в. до н.э. (Daragan, Gavriish, 2016).

О местонахождении конусов на Восточном Бельском городище.

Раскопки (более 45 тыс. м²) на Восточном Бельском городище проводил Б.А. Шрамко в 1959–1994 гг. Здесь конусы найдены в огромном количестве, но точная информация о количестве находок мне не известна⁶. Как и на Кнышовском городище, они происходят из культурного слоя и из многих ям. В большинстве случаев в ямах они представлены единичными экземплярами, но выделяются и скопления. Рассмотрим некоторые из них.

⁶ В полевых отчетах приведены данные только по взятым находкам. Подавляющее же большинство обломков конусов в коллекцию не вошли.

Раскоп 14. В верхней части заполнения ямы 12 обнаружено 7 конусов. Вместе с ними найдены также культовые глиняные статуэтки, лепешки, сосудики, а также фрагмент черепа человека (Шрамко, 1967, с. 4–6, 32, 51).

Раскоп 16. На одном из участков в культурном слое на глубине 40 см выявлено скопление больших конусов со сквозными круглыми отверстиями. Они расположены примерно на одной линии, вытянутой с востока на запад, между двумя столбовыми ямками. Расстояние между крайними грузилами около метра. Восточная ямка имела диаметр 12 см и сохранила остатки древесной трухи от столба. Второй столб был закреплен в ямке небольшими камнями. Диаметр ямки в верхней части до 25 см. Глубина первой столбовой ямки 35 см, второй – 38 см; дно их коническое. По-видимому, столбы были не вкопаны, а вбиты. Расстояние между столбами 1,35 м. Всего между ямками найдено 15 грузил и их обломков (Шрамко, 1973, с. 108, 109). На участке, где найдены конусы, не обнаружено никаких строительных объектов.

Раскоп 20. В культурном слое открыто скопление конусов, вытянутое по линии 3–В на протяжении 1,5 м. Ямки от столбов отсутствовали. Конусы имели отверстия (Шрамко, 1970, с. 14). Никаких строительных объектов на участке с конусами не обнаружено.

Раскоп 22. В яме 1 диаметром 150 см найдено 10 целых и крупных обломков конусов. Рядом с ямой к северу от нее большое скопление конусов выявлено и в культурном слое. Судя по приведенным в отчете фотографиям, среди них есть конусы с отверстиями и без них (Шрамко, 1971, с. 7, табл. XII: 1–4, 14–16). Еще одно скопление из 73 обломков найдено в культурном слое на участке вне комплексов (Шрамко, 1973, с. 4).

Раскоп 23, участок святилища (Шрамко, 1976, с. 202). На участке святилища возле жертвенников в культурном слое и в ямах найдено большое количество конусов. Так, скопление из 25 мелких конусов обнаружено в двух метрах от жертвенника на одном уровне с ним. Конусы были обнаружены в расположенных рядом с жертвенником ямах 22 и 23 и в яме 27, в которой также были найдены предметы культовой пластики и фрагменты черепа человека. Конусы и фрагменты черепа человека были найдены также в яме 4 (Шрамко, 1971, с. 7, 11, 14). В яме 34 выявлено более 40 конусов вместе (в большом количестве) с глиняными антропоморфными статуэтками, изображающими обнаженных мужчин,

женскими фигурками и глиняными хлебцами (Шрамко, 1973, с. 8). В яме 33 среди множества культовых статуэток было «много глиняных конусовидных грузил», а также костяной челнок с отверстием для нити (Там же, с. 7). Челнок представляет собой массивное конусовидное изделие длиной около 17 см и шириной в основании 1,8 см. Из основания к боковой поверхности просверлено наклонное отверстие для крепления конца нити утка, которую продергивали между нитями основы. Б.А. Шрамко считает, что данное изделие является частью ткацкого станка (1987, с. 99, рис. 41: 5).

Раскоп 25. В яме 13 найдены в большом количестве конусы и предметы культовой пластики: зоо- и антропоморфные статуэтки, культовые лепешки и сосудики (Шрамко, 1974, с. 5). Скопление конусов зафиксировано и в культурном слое.

Раскоп 26. Конусы были обнаружены в трех небольших ямах, расположенных на расстоянии 3–5 м друг от друга. В яме 29 (130×105 см) найдено 8 целых и 9 обломков конусов (Шрамко, 1976, с. 8, рис. 17: 3, 5, 6), в яме 32 (100×70 см) – 14 конусов (Рис. 14) (Шрамко 1976, с. 9, рис. 17: 1; 18, 4). А яма 34 (всего 60×60 см) оказалась забита конусами без отверстий (26 конусов целых и в обломках; диаметр 5,8–6,7 см, высота 5–6 см). Кроме того, здесь же найден обломок крупного глиняного изделия в виде усеченного конуса с отверстием высотой около 11 см, диаметром 13 см (Рис. 13) (Шрамко 1976, с. 10, 11, рис. 17, 7; 18, 1–3, 5–10).

Раскоп 28. В яме 3 найдено три конуса и череп собаки, в яме 13 – 20 конусов, в яме 43 – фрагменты в не установленном количестве, в яме 44 – 5 грузил, а в яме 46 – 4 грузила (Шрамко, 1978, с. 2, 5, 10). Яма 7а (110×150×100 см) оказалась буквально забита глиняными вальками (148 экз.) (Шрамко, 1978, с. 4).

Раскоп 29. Скопления обломков глиняных конусов (5–6 экз.) выявлены в кв. 10/П на глубине 40 см и в кв. 42/В на глубине 60 см. В яме 6 найдены 21 конус (целые и в обломках), а в яме 7 – в не установленном количестве, в кв. 13/Б обломок глиняного грузила – среди скопления глиняных блоков, в яме 106 – не менее 8–9 глиняных вальков, а в расположенной рядом яме 107 – фрагмент черепа человека (Шрамко, 1981).

Раскоп 30. На этом раскопе площадью 11864 м² (1982–1986 гг.) исследовано святилище, состоящее из деревянного храма, глиняных жертвенников и жертвенных ям. В районе

храма, в ямах расположенных возле жертвенников на храмовой территории, а также в ямах и жертвенниках, расположенных вне храмовой территории, найдены скопления конусов. Также в отчетах отмечается, что огромное количество конусов было найдено и в культурном слое раскопа.

В районе святилища конусы обнаружены в ямах 186 и 187, при этом в первой из них вместе с фрагментом черепа человека. Полукругом от этих ям с западной, северной и северо-восточной стороны расположены четыре жертвенника (Шрамко, 1985, с. 10). Вблизи одного из жертвенников (М) – к северу от святилища – в неглубокой ямке находилось скопление конусов с фрагментами архаической керамики. Конусы имеют по одному сквозному отверстию, а поверхность покрыта вдавлениями (Рис. 15) (Шрамко, 1983, с. 16). В яме 29 (50×65×70 см) найдены фрагменты конусов и железный нож (Шрамко, 1982, 12, рис. 22: 1, 2, 4, 5), яме 55 (диаметром 90 см) – 7, ямах 57 и 66 – по 34 фрагмента конусов (Шрамко, 1983, с. 8, 9, 11), в яме 74 – 15 конусов, а также обломок жертвенника, культовые статуэтки, глиняные лепешки и вальки. Отдельные конусы найдены и в яме 75 вместе с фрагментом черепа человека (Там же, с. 12). Скопление конусов было также в ямах 84 (Шрамко, 1984, с. 3), 100 и 126 (Шрамко 1985, с. 3, 4); в яме 164 – 7 конусов (Там же, с. 6); в яме 175 обломки конусов найдены вместе с обуглившимися зернами ячменя и фрагментами сушилки (Там же, с. 8); в яме 196 фрагменты конусов обнаружены вместе с большим количеством предметов глиняной культовой пластики (Там же, с. 12); в яме 254 найдено 11 фрагментов конусов; в северо-западном углу ямы 270 – скопление из 29 конусов; фрагменты конусов были и в яме 290 (Шрамко 1986, с. 13, 17, 22).

Раскоп 32. Скопление не менее чем из 13 конусов найдено в культурном слое (Шрамко, 1988, с. 9).

Раскоп 33. В яме 46 (диаметром 65 и глубиной 70 см) найдено 12 конусов; фрагменты конусов обнаружены в яме 51 (Шрамко, 1992, с. 6, 31).

Судя по приведенным в полевых отчетах иллюстрациям, большинство конусов Восточного Бельского городища имеет сквозные отверстия, хотя, как уже отмечалось, встречаются и целые скопления конусов без отверстий. Высота конусов от 5 до 9 см. Поверхность большинства конусов гладкая, но на некоторых есть вдавления. У конусов,

найденных возле жертвенника раскопа 30, круглые вдавления расположены по всему периметру (Рис. 15). Кроме глиняных изделий в виде конусов, на Восточном Бельском городище встречаются также цилиндрические, овальные и круглые глиняные изделия, часто имеющие сквозные проколы (Рис. 5, 4, 5, 14, 15, 29, 31).

Хронология. Судя по отчетным материалам, основная масса комплексов, содержащих скопления конусов из Кнышовского и Восточного Бельского городищ, относится к концу V–IV в. до н.э.⁷

Глиняные конусы Кнышовского и Восточного Бельского городищ: общее и особенное.

Если сравнить скопления конусов из Кнышовского и Восточного Бельского городищ, то на данном этапе исследования складывается следующая картина.

Тип конусов. На обоих памятниках известны конусы как с проколами, так и без них. Но на Кнышовском городище в подавляющем большинстве скоплений конусы – без проколов, тогда как на Восточном Бельском городище, наоборот, основная часть – с проколами. В большинстве случаев все изделия действительно имеют вид конуса, хотя и сильно различаются размерами; на Кнышовском городище выделяются конусы без проколов, с выделенным в виде трапеции основанием (рис. 2, 11). Аналогичной формы конусы, но с проколами известны, например, среди материалов Коринфа (Davidson, 1952, Pl. 74: 1087, 1124, 1127, 1147, 1151, 1166, 1171, 1166; 75: 1148, 1172, 1177, 1182; 76: 1188, 1189).

Местонахождения.

А). В культурном слое. Есть случаи, когда на обоих памятниках конусы найдены лежащими в одну линию. На Кнышовском городище они без проколов, а на Восточном Бельском – с проколами.

Б). В скоплениях. На Кнышовском городище – во всех случаях без проколов, тогда как на Восточном Бельском городище в большинстве эпизодов с проколами.

В). В ямах. Обращает на себя внимание, что на Кнышовском городище конусы не обнаружены ни разу в ямах, которые считаются жилищами. Во всех эпизодах они найдены в ямах, считающихся по умолчанию

⁷ Эти данные предварительные. На Западном Бельском городище и поселении Царина Могила Большого Бельского городища конусы найдены в заведомо более ранних контекстах.

хозяйственными. Более того, как правило, они привязаны к заполнению ям.

Подобная же картина зафиксирована и на Восточном Бельском городище. Только в одном эпизоде яму 270 раскопа 30 (4,38×3 м) можно было бы считать жилищем.

Интересно, что, например, на Восточном Бельском городище скопления конусов (и, как правило, это только конусы) встречаются в очень небольших по размеру ямах диаметром до метра. Параметры некоторых ям диаметром всего 65 см совпадают полностью.

Г). Возле жертвенников. На обоих памятниках выявлены скопления конусов именно в таком контексте. На Кнышовском городище их явно больше и при этом речь во всех случаях идет о конусах без сквозных отверстий, но с вдавлениями. Также такие конусы часто с отпечатками зерен злаков. К этому нужно добавить, что, судя по приведенным в отчетах полевым чертежам, на обоих городищах вблизи многих жертвенников встречаются отдельные конусы.

Д). В ямах с предметами культовой пластики. В таком контексте скопления конусов выявлены в 9 ямах на Кнышовском городище и во многих ямах на Восточном Бельском городище (Шрамко 1976, с. 198–206; 1996, с. 70–74; 1999, с. 37–42). При этом если на Кнышовском городище находки предметов культовой пластики в ямах, как правило, немногочисленны, то на Восточном Бельском городище скопления конусов (как минимум в 6 эпизодах), безусловно, привязаны к культовым ямам, заполненным десятками антропо- и зооморфных фигурок, сосудиками, лепешками и т.д. Наряду с этим на Восточном Бельском городище есть случаи, когда в ямах вместе с конусами и культовой пластикой встречались фрагменты человеческих черепов.

Таким образом, ни в одном из приведенных случаев не зафиксирован достоверный контекст, позволяющий считать конусы очажными подставками, подставками для вертелов или же строительным материалом для сводов печей. Кроме того, конусы не имеют следов копоти или каких-либо иных признаков, указывающих на их связь с очагами и т.п. Поверхность конусов также не имеет никаких следов сработанности.

Предварительный осмотр ряда конусов из Кнышовского и Басовского городищ, хранящихся в фондах ИА НАНУ (из раскопок В.А. Ильинской), проведенный С.Н. Горбаненко, показал, что часть из них в тесте имеет примеси зерен проса, ячменя и пшени-

цы двузернянки⁸. Визуально отпечатки зерен злаков просматриваются и на некоторых конусах Кнышовского городища из собрания Национального музея истории украинского гончарства в г. Опишне (Рис. 3), а на одном из конусов был обнаружен орнамент, сделанный острой палочкой. Эти данные вполне определенно свидетельствуют о votивном характере этих предметов.

Таким образом, при ответе на вопрос о содержании контекста находок глиняных конусов для целого ряда эпизодов можно считать установленным использование конусов в культовых практиках местного населения. И если относительно материалов Восточного Бельского городища это вполне очевидно для серии конусов с отверстиями, то для материалов Кнышовского городища – и для конусов без отверстий.

Однако остается открытым вопрос – были ли эти конусы специально изготовлены для культа или же использовались в культовой практике уже вторично, а до этого они использовались в каких-то утилитарных целях.

Интерпретация результатов. Варианты функционального использования конусов с отверстиями и без них.

А). Конусы – грузила от вертикального ткацкого станка. Конусы с отверстиями в двух эпизодах на Восточном Бельском городище были найдены вытянутыми в одну линию, что позволило их трактовать, как грузы для ткацкого станка. Внутри отверстий некоторых из грузил были заметны следы потертости от нитей. На Кнышовском городище, также в двух эпизодах, были найдены вытянутыми в одну линию конусы, но уже без отверстий. Многие местонахождения в ямах и в культурном слое, как конусов с отверстиями, так и без таковых, на Кнышовском и Восточном Бельском городище совпадают. Кроме того, совпадают часто метрические параметры (размер и вес) конусов без отверстий и с отверстиями. Также часты одинаковые пальцевые вдавления на обоих вариантах конусов. Это вполне позволяет рассматривать как грузы для ткацкого станка и те из них, что были без отверстий. Однако остается непонятным: использовались ли конусы без отверстий в таком виде в качестве грузил (при эксплуатации их, например, обвязывали, помещали в мешочки), или же они были имитацией ткацких грузил, специально изготовленных с культовой целью?

⁸ Искренне признательна С.Н. Горбаненко за исчерпывающую консультацию

Изучение этой линии интерпретации конусов – сам по себе очень занятный и весьма важный сюжет. Если конусы являются грузилами от ткацкого станка, то это может быть только вертикальный ткацкий станок. И если они появляются на определенной территории только в определенное время, из этого следует, что речь идет об изобретении или заимствовании некой новой для этого региона технологии ткачества. К этому нужно добавить, что одновременно с повсеместным использованием конусов (а это время не ранее V в. до н.э., а, скорее всего, IV в. до н.э.) на поселениях Левобережья в бóльшем числе, чем в предшествующее время, начинают встречаться и пряслица, многие из которых украшены сюжетами, имеющими явно тотемное значение (Щербань, 2007, с. 94–125). Напротив, во многих других регионах глиняные конусы (или же конусовидные/пирамидальные изделия) как грузила именно для вертикального ткацкого станка известны еще с позднего неолита. А в конце эпохи бронзы и в начале раннего железного века ткацкие грузила получили широкое распространение в пределах Центральной, Южной и Юго-Западной Европы (Belanová, Čambal, Stegmann-Rajtár, 2007, p. 419–434; Belanová, Štolcová, Grömer, 2010, p. 9–20). Повсеместно они встречаются на памятниках Греции и Италии и, соответственно, в греческих колониях Северного Причерноморья (Гайдукевич, 1952, с. 396–414; Gleba, 2008). При этом античные и «галльштатские» грузила подобны между собой – это очень хорошо выделанные и обожженные изделия в виде усеченных пирамидок с четырехугольным основанием, снабженные небольшим (!) сквозным отверстием у вершины. То есть, по внешнему виду они очень сильно отличаются от «лесостепных» скифского времени. Впрочем, хотелось бы обратить внимание на глиняные пирамидальные грузила из поселения Rífnik, у которых по всей поверхности фиксируются небольшие вдавления (наколы), образующие различные узоры (Рис. 17, 5, 6) (Teržan, 1996, Abb. 3, 2, 3; 4), т.е. они определенным образом могут быть сопоставлены, например, с грузилами с вдавлениями из поселений Украинской Левобережной Лесостепи.

Наряду с конусовидными грузилами с отверстиями из ряда европейских комплексов раннего железного века известны аналогичные изделия и без отверстий (Bockisch-Bräuer, 2012, Abb. 5: 6; 7: 11, 12).

Разница между грузилами не случайна. Эксперименты показали, что вес грузи-

ла определяет тип пряжи и плотность нитей. Плотность расположения грузил и их ширина определяет ширину ткани и вместе с пересчетом на массу станка – количество нитей и плотность ткани (Martensson, Nosch, Strand, 2009, p. 373–398). То есть, определяющими при выборе технологии изготовления тканей являлись эксплуатационные требования. А это, прежде всего, близкие весовые характеристики грузил, а также ширина и характер расположения отверстия в них, по крайней мере, в региональной группе изготовления. Последние влияют на выводы о характеристике используемых волокон (растительного или животного происхождения), типе изготавливаемых на станке тканей и технологии, а более широко дают выход на реконструкцию хозяйственной, социальной и культовой сферы местного населения. Стоит отметить, что анализ отпечатков тканей на глиняных изделиях из поселений Днепровской Левобережной Лесостепи, в том числе и с Кнышовского городища, показал, что сделаны они преимущественно из растительных волокон средней толщины (Щербань, 2007, с. 92). Вполне вероятно, что в Лесостепи основным сырьем для получения нитей были такие прядильные культуры, как конопля или лен⁹. Следовательно, особенности внешнего вида, по крайней мере, части лесостепных грузил, могут быть продиктованы особенностями сырья для производства тканей.

Грузы от рыболовных сетей. В трех эпизодах на Кнышовском городище (в ямах 117, 192 и 199) конусы без сквозных отверстий были найдены вместе с рыбьей чешуей. Также хрящевая кость большой рыбы была найдена возле скопления конусов вблизи жертвенника № 42¹⁰. Этот факт позволяет нам рассмотреть вариант их интерпретации в качестве грузов для рыболовных сетей. Разумеется, что из этого числа следует исключить слабо обожженные изделия.

Сам факт использования различных вариантов керамических рыболовных грузил, внешне подобных ткацким, известен в древности, например, на античных и меотских памятниках (Онайко, 1956, с. 154–160; Куликов, 1998, с. 187; Каменецкий, 2011, с. 257, 258).

⁹ Материалом для изготовления тканей в скифскую эпоху была и овечья шерсть. В скифское время в Лесостепи шерстяные ткани известны, однако не установлено: являются ли они продуктом местного производства.

¹⁰ Кости рыб были найдены и в других частях городища.

В огромном числе грузила, трактуемые именно как рыболовные, встречаются на памятниках юхновской культуры. При этом такая аргументация обусловлена только тем, что часто их находят в хозяйственных ямах с рыбьей чешуей. Юхновские грузила по целой серии параметров могут быть сопоставлены с выше рассмотренными конусами. Они также имеют, как правило, форму усеченного конуса высотой в среднем около 7 см, отверстием 1,5–2,5 см и большим диаметром в верхней части 3–4 см. Чаще всего эти грузила изготовлены довольно небрежно, обжиг некачественный, при попытке взять такие грузила в руки они часто рассыпаются. У них встречаются глубокие пальцевые вдавления по бокам (Каравайко, 2012, с. 96–99, рис. 62). Однако, что характерно, у всех известных юхновских грузил отверстия расположены по оси изделия, т.е. по вертикали. Как у пряслиц, когда изделие работало на обороты, тогда как у лесостепных – исключительно по горизонтали относительно вертикали конуса. Наряду с грузилами с отверстиями в юхновской культуре известны и конусовидные изделия без сквозных отверстий, но с глубокими вдавлениями. Они немногочисленны и их интерпретация не столь однозначна. Предполагается, что они могли использоваться на ткацких станках, хотя не исключаются и другие функции¹¹.

Если признать, что часть, из найденных на Кнышовском городище конусов, относится к грузам рыболовных сетей, то в таком случае не имевшие отверстий конусы для подвязывания к сети могли помещаться в специальные мешочки. Подобный подход практиковали некоторые народы Севера. Например, у коми грузила для сетей изготавливались из обожженной глины и камней, зашитых в бересту или холщевую тряпочку. Иногда и просто использовались сшитые из холста мешочки, наполненные гравием или камнями (Конаков, 1983, с. 148). Практика использования грузил из обожженной глины массой около 300 г для ставных рыболовных сетей известна. При этом нужно, чтобы размер груза был больше ячейки сети, иначе в процессе лова оно обязательно запутает рыболовную сеть.

¹¹ Д.С. Каравайко указывает на находки подобных изделий без отверстий в археологических культурах Непала, где их использовали как ударники, с помощью которых обрабатывалась внутренняя нижняя часть сформированного сосуда. В несквозное отверстие вставлялась палочка, что позволяло обработать дно высокого горшка с узким горлом (Каравайко, 2012, с. 99, 100).

Это особенно опасно, если рыболовные сети хранят, не снимая грузил. Большое количество грузил требуется для оснастки донных рыболовных сетей.

Вывод о возможном использовании грузил как рыболовных не абсолютен, однако вполне возможен. Весьма примечательно, что как раз те из кнышовских грузил, что обнаружены с рыбьей чешуей, наиболее качественно обожжены и, следовательно, не размокали в воде, как, например, слабо обожженные грузила. Подобная трактовка, по крайней мере, части грузил, позволит обратиться и к такой важной отрасли хозяйства местных племен, как рыболовство. Это особенно важно, учитывая, что вопрос именно об этой отрасли хозяйства населения Лесостепи в скифскую эпоху по сути даже не поднимался в литературе.

Безусловно, для более достоверных выводов о характере их утилитарного назначения – рыболовного или же ткацкого – нужна работа по корреляции между массой, размерами отверстий и характером обжига различных грузил. Вместе с тем, если некоторые контексты и признаки на конусах и позволяют выделять среди них ткацкие и рыболовные, то все же следует понимать, что этот вывод не абсолютен для всей серии конусов. И нельзя исключать и еще какие-то варианты их использования. Например, следует обратить внимание на находки подобных изделий (и также с вдавлениями) в античном Торице в металлургической мастерской возле большой печи (Онайко, 1980, с. 63, 92, табл. XXXI, 328)

О вотивном использовании конусовидных грузил. Среди вещей, используемых в обрядах, могут быть как те, что сакральны изначально (обрядовые утварь, одежда и т.д.), так и профанные предметы (изделия бытового назначения), приобретающие знаковую нагрузку лишь тогда, когда они становятся атрибутами обряда или соотносятся с определенными мифами. Обращение к материалам культур эпохи бронзы показывает, что в обряды могли включаться практически все вещи утилитарного назначения, в т.ч. и орудия труда (Підобід, Усачук, Циміданов, 2012). К числу утилитарных вещей, часто выступавших у населения городищ скифского времени Лесостепи в качестве обрядовых атрибутов, относятся и грузила. Как следует из вышеизложенного материала, в значительном числе установленных эпизодов на поселениях конусы всех разновидностей были зафиксированы в культовых контекстах, что является завершающим этапом их использования.

Практика культового использования конусовидных грузил, по крайней мере, тех, что относят к грузилам ткацкого станка, в начале раннего железного века весьма широко распространена. Маргарита Глеба в исследовании по текстильному производству доримской Италии особо отмечает факты использования в различных культовых контекстах предметов, связанных с процессами прядения и ткачества (пряслиц, катушек и особенно конусовидных грузил). Она выделяет три подгруппы культовых контекстов: самостоятельные жертвоприношения (*actual votive deposits*), жертвоприношения, связанные с ритуалами закладки зданий, оборонительных сооружений и т.д. (*foundation deposits*) и найденные на территории святилищ, где производились ткани (или другие предметы) (*sanctuary workshops*) (Gleba, 2008, p. 178). И что характерно, в культовых практиках использовались как грузила с отверстиями, так и без них (Ibid, p. 175, 176, 178, 179, fig. 119).

Весьма часто предметы ткачества, в том числе и глиняные грузила, как подношение богам, встречаются и в греческих городах Северного Причерноморья. Такие грузила найдены в святилищах Китея, Мирмекия, Нимфея и др. В религиозном мировоззрении населения боспорских городов прядение, ткачество и шитье имели ярко выраженный сакральный аспект. И предметы, связанные с прядением и ткачеством, усиливали процесс преобразования жертвы, перехода ее в другой мир и в другое качество. Нередко в таких святилищах встречаются и рыболовные снасти, представленные грузилами и крючками (Молева, 2007, с. 84, 85; Коцура, 2008, с. 74).

Эти данные являются аргументом и определенным объяснением вотивного характера использования конусовидных грузил и на поселениях скифского времени Днепровской Лесостепной Лесостепи, а именно тех из них, которые собственно и найдены возле культовых комплексов или в культовых контекстах.

О вотивном использовании глиняных конусов без отверстий. Как уже отмечалось, в большинстве эпизодов на Кнышовском городище найдены были именно конусы без сквозных отверстий: с гладкой поверхностью или с вдавлениями. В тесто некоторых конусов примешивались зерна злаков, что, безусловно, также может свидетельствовать об их вотивном характере. При определении функции этих изделий, можно, безусловно, предположить и их сугубо утилитарную функцию как ткацких, либо же рыболовных грузил.

Однако тот факт, что они большими скоплениями встречаются возле жертвенников, кажется, вполне определенно свидетельствует об ином. По всей видимости, скопления конусов без отверстий использовались в ритуалах.

Вывод о культовом характере таких изделий находит определенное подтверждение в материалах сопредельных культур этого времени. Например, в раннем железном веке в Среднем Прикамье на поселениях, а также на вынесенных за пределы поселков святилищах найдены различные варианты глиняной геометрической пластики. В том числе это и большая группа изделий в виде конусов/пирамид или цилиндров без отверстий, многие из которых с орнаментом. Размеры прикамских конусов сравнительно невелики. Наиболее распространены предметы с шириной основания 1,5–2 см, меньше изделий размерами 2–3,6 см. Вместе с глиняной геометрической пластикой всегда встречаются также антропоморфные и зооморфные изделия, а также диски или глиняные лепешки. Также на этих же участках, как правило, в значительном числе находят глиняные орнаментированные пряслица (Голдина и др., 2013, с. 49, 70).

Один из примеров – Тарасовское святилище, которое наиболее активно использовалось в IV–III вв. до н.э. Здесь в ямах и культурном слое были найдены многочисленные предметы геометрической пластики, которую авторы публикации трактуют неотрывно от антропоморфной, полагая, что это могут быть изображения кукол-игрушек, родильных кукол. Все они являются культовыми предметами и использовались в магических обрядах (Там же, с. 83).

Еще одно доказательство использования в культовых целях глиняных поделок в виде пирамидок, блоков и шаров находим в Западной Сибири. Они найдены на культовом месте поселения Туруновка-4 (эпоха бронзы, кротовская культура). В.И. Молодин отмечает, что обилие и разнообразие форм и пропорций геометрической пластики позволяет предполагать наличие у населения кротовской культуры своеобразных культов, связанных с глиняной атрибутикой. При этом свидетельства подобных проявлений известны по данным археологии и этнографии. Так, в Забайкалье обнаружено ламаистское культовое место, где согласно обряду находились глиняные пирамидки. По рассказам самих бурят, после смерти ламы его тело предавали кремации, а пепел подмешивали в глину и делали из этого материала пирамидки, кото-

рые помещали на культовом месте (Молодин, 1992, с. 45).

Также из Липинского городища известны глиняные поделки, именуемые хлебцами, но имеющие неправильную коническую форму с вдавлениями по корпусу (Шпилев, 2014, с. 64). В целом они имеют прямые аналогии среди некоторых таких изделий, найденных на Крышовском и Басовском городищах.

Относительно интерпретации глиняных конусов без отверстий возникает определенная параллель и с глиняными алтарями гальштатского времени южноальпийского региона (т.н. *feuerbock/clay firedogs*). Эти алтари, как правило, весьма сложной, часто зооморфной формы или же с зооморфным оформлением окончаний боковых граней (Рис. 17, 1-4) (Kerman Branko, 2014, p. 229–303, Sl.2, A; 5; T.1; Nagy Laszlo 1979, p. 19–73)¹². Также типичны варианты трапециевидной формы (конусовидные в сечении) с одним или несколькими сквозными или же не сквозными вдавлениями на корпусе. Такие алтари, как и наши конусы, сравнительно небольшого размера – высотой от 4,5 до 8 см (Рис. 18).

Конусы и глиняные вальки/хлебцы. В некоторых эпизодах глиняные конусы встречаются вместе с т. н. вальками или «хлебцами».

На Кнышовском городище вальки были найдены вместе с конусами в ямах и отдельными скоплениями (Рис. 16). При этом, как минимум, в двух эпизодах вальки обнаружены у печки или прямо на печке. Так, в кв. 20-21/С68-69 недалеко от вала на глубине 100 см была открыта верхняя часть печки. Толщина развала от 15 до 20 см. Сохранился под печки в виде прямоугольника с закругленными углами (60×55 см), толщиной в несколько сантиметров. На нем кучей лежали крупные куски

сильно пережженной глины. Среди развала печки найден целый, хорошо обожженный глиняный валец, но необычной формы: в виде пестика с выемкой на торце. У северной стенки печи найден еще один целый глиняный валец в виде хлебного батона, но наполовину меньших размеров. На уровне пода печи возле ее северной стенки на площади диаметром 40 см обнаружено целое скопление таких вальков: 6 слабо обожженных вальков и более десяти крупных фрагментов. Здесь же встречались мелкие кусочки древесного угля (Гавриш, 1990, с. 59).

Аналогичная печка найдена и в кв. 23/С63 на глубине 120 см. Она была сооружена на засыпке ямы 61. Сильно разрушенный под печи округлой формы имел размеры 80×75 см. Толщина развала 2–3 см. Куски сильно обожженной глины перемешаны с древесными угольками и золой. На развале печи горкой высотой 18–20 см лежало большое количество глиняных вальков. Лежащие в углях и золе вальки в нижней части скопления были очень хорошо обожжены, а вверху обжиг имели слабый и разваливались при прикосновении. Сверху скопление вальков неровно прикрывал слой обмазки. Создавалось впечатление, что вальки находились в печке, свод которой обрушился. Примечательно, что на некоторых вальках, которые лежали внизу на печке, отпечаталась рыба чешуя величиной с копейку. Всего в скоплении удалось насчитать 31 валец и половину конуса (Гавриш, 1990, с. 60) (Рис. 16, 3, 8, 9).

Эти находки, безусловно, не отрицают их votивного характера, особенно учитывая, что обе печки находились сравнительно недалеко от жертвенников на одном уровне с ними. К тому же, например, вблизи жертвенника № 28 были найдены совершенно аналогичные вальки/хлебцы (Рис. 16, 4-7).

В иных контекстах «хлебцы/вальки» выявлены на Бельском городище. На поселении в урочище «Поле 2-й бригады» Большого Бельского городища в яме 19 на дне и в придонной части было выявлен 21 хлебец. Они сделаны из плотного глиняного теста, но как бы наспех, обжиг их некачественный. Форма всех «хлебцов» практически одинаковая. Размеры: самые крупные – 10,6×6,0×5,0 и 9,4×6,5×5,0 см; наиболее мелкие – 7,0×5,2×4,5 и 7,5×4,6×5,2 см. Поверхность их неаккуратно заглажена, встречаются отпечатки пальцев и травы, а также со всех сторон – проса обыкновенного (Супруненко, 2014, с. 70, 71). Аналогичные хлебцы, но в большем коли-

¹² Поиск полных аналогий конусам без отверстий не дал удовлетворительных результатов. Похоже, что их действительно в таком виде нигде больше нет. Но я обращала внимание и на просто похожие изделия. В некоторых культурах они известны. Например, в Маргиане глиняные конусы, пирамидки и шарики, но вместе с аналогичными каменными и фаянсовыми изделиями, найдены на Гонуре в погребениях и на поселении (Сарианиди, Бороффка, Дубова, 2014, с. 150). Правда, они меньшего размера, высотой не более 3 см. Они интерпретируются как votивные изделия. Похожие найдены и в некрополе Аполонии Понтийской IV в. до н.э. Это конусы, катушки, шары, цилиндры, пирамиды и др. Они также считаются магическими, культовыми предметами (Конова, 2005, с. 148-164, рис. 1–14). Различные ритуальные глиняные поделки, среди которых встречаются и конусы, известны также в IV в. до н.э. и в некрополе Зимничее (Sirbu, 2006, Fig. 43).

честве, выявлены на Восточном Бельском городище в яме 32. Здесь в заполнении и на дне ямы найдены 41 целый и 109 обломков глиняных хлебцов. Их длина 9,0–11 см, ширина 3,5–6,0 см. Два конуса были уложены на камень, возможно, являющийся зернотеркой. Вполне, вероятно, в данном случае имела место имитация. Античная керамика из этой ямы датируется IV в. до н.э. (Задников, 2015, с. 15, рис. 6: 5, 6).

Еще в одном случае на Восточном Бельском городище в яме 106 раскопа 29 был найден целый и 10 фрагментированных хлебцов. Эта яма находится возле ямы 107, в которой был фрагмент черепа человека.

На Западном Бельском городище на дне одной из ям зольника № 13 поломанные глиняные хлебцы сопровождали восемь практически целых скелетов собак со следами насильственной смерти. Рядом с ними в заполнении был найден также свод черепа человека и обожженные кости собак (Задников, Шрамко, 2009, с. 10). В этом случае, по всей видимости, речь идет о намеренно сломанных изделиях, т.е. принесенных в жертву. Можно предположить, что поврежденные (сломанные) конусы, найденные в ямах Кнышовского и Восточного Бельского городищ, могут также быть результатом преднамеренного ритуала.

Явное доказательство связи глиняных вальков именно с культовыми практиками было выявлено А.Е. Алиховой в 1961 г. при исследовании поселения юхновской культуры у с. Успенское. Здесь было исследовано святилище, представлявшее собой обмазанную глиной округлую площадку со следами горевших вокруг нее костров. В центре глиняного круга находилась пирамидка из 30 глиняных блоков, на вершине которой был установлен глиняный миниатюрный сосудик для жертвоприношений (Шприлев, 2014, с. 66) (Рис. 18). Кажется, что глиняные конусы также могли складываться в подобные пирамиды.

К этому нужно добавить, что при исследовании печей эпохи бронзы Украинской Лесостепи выявлялись артефакты, не связанные с их функционированием. Например, на поселении Чикаловка (Полтавская обл.) под завалом печи в жилище 4 (раскоп 6) находилось несколько скоплений глиняных изделий – шаров, «хлебцов», биконических предметов в отверстии посередине. А в жилище 5 (раскоп 3) под остатками печи выявлены 5 ямок, в которых лежали глиняные шары диаметром от 2 до 6 см (всего 16 изделий) (Підобід, Усачук, Циміданов, 2016).

Заключение. Пространственный анализ расположения глиняных конусов, выполненный на материалах Кнышовского и Восточного Бельского городищ, позволяет сделать предварительные выводы о функциональном назначении грузил (ткачком и рыболовном) и их использовании (первичном и вторичном) в культовых практиках местного населения. Эти данные открывают совершенно новую страницу для понимания идеологии населения Днепровской Левобережной Лесостепи в скифскую эпоху, особенно на ее финальном этапе. И тем самым позволяют расширить представление о древних культовых практиках, что также важно для понимания развития социальных ценностей и традиций, связанных, в том числе, с текстильным производством и рыболовством.

Из изучения контекстов местонахождений конусов также следует, что за похожими внешне объектами скрываются функционально разные изделия.

Так, вполне определенно, материалы Восточного Бельского городища позволяют говорить об использовании именно ткацких грузил в культовых практиках местного населения. Они были найдены во всех ямах с предметами мелкой культовой пластики. Кроме того, в ряде случаев рядом с конусами были найдены пряслица и человеческие черепа. Эти данные сплетаются в некую общую канву, в которой присутствие конусов как грузил, может отражать «символизм нити, веревки связывания и ткачества, широко присутствующий в древних мифологиях и магических практиках многих народов» (Широкова, 2002, с. 253). В этом случае использование конусов в культовой практике является окончательным их использованием, т.е. своеобразным захоронением.

Поскольку мы не знаем пантеона местных божеств, варианты интерпретации имевших место культовых практик могут быть различными. В случае с ткацкими грузилами вполне можно предположить и воспринятую на местный манер кальку с греческих традиций, учитывая имевший место именно в это время тесный контакт населения этого региона с обитателями греческих колоний Северного Причерноморья. Что касается глиняных конусов без отверстий, то, похоже, что они представляют собой совершенно новую страницу в жизни и практике местного населения.

ЛИТЕРАТУРА

Гавриш П.А. Отчет о полевых исследованиях археологической экспедиции Полтавского Педагогического института в 1989 г. Полтава, 1989 / Архив ИА НАНУ. № 1989/166.

Гавриш П.А. Отчет о полевых исследованиях на Кнышовском городище экспедиции Полтавского педагогического Института в 1990 г. Полтава, 1990 / Архив ИА НАНУ. № 1990/64.

Гавриш П.А. Отчет об археологических раскопках на Кнышевском городище экспедицией Полтавского пед. института в 1991 г. Полтава, 1991 / Архив ИА НАНУ. № 1991/90.

Гавриш П.А. Отчёт об исследованиях Полтавской Левобережной скифской экспедиции Полтавского пединститута в 1988 г. Полтава, 1988 / Архив ИА НАНУ. № 1988/54.

Гавриш П.Я. Звіт про археологічні розкопки Книшівського городища скіфської доби (Полтавська обл.) будино-гелонською археологічною експедицією в 1992 р. Полтава, 1992 / Архив ИА НАНУ. № 1992/149.

Гавриш П.Я. Звіт про польові дослідження 1993 р. на городищі скіфського часу біля с. Книшівка Гадяцького району Полтавської області. Полтава, 1993 / Архив ИА НАНУ. № 1993/142.

Гавриш П.Я. Племена скіфського часу в лісостепу Дніпровського Лівобережжя (за матеріалами Прип'ілля). Полтава: Археологія, 2000. 232 с.

Гайдукевич В.Ф. К вопросу о ткацком ремесле на боспорских поселениях // Боспорские города. Ч. 1. Итоги археологических исследований Тиритаки и Мирмекия в 1935–1940 гг. / МИА. № 25 / Отв. ред. В.Ф. Гайдукевич, М.И. Максимова. М.: АН СССР, 1952. С. 395–414.

Голдина Р.Д., Колобова Т.А., Казанцева О.А., Шаталов В.А. Тарасовское святилище раннего железного века в Среднем Прикамье / Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 26. Ижевск: УдмГУ, 2013. 184 с.

Граков Б.Н. Скифы. Научно-популярный очерк. М.: МГУ, 1971. 200 с.

Задников С.А. Східне укріплення Більського городища: результати досліджень 2014 р. // Археологічні дослідження Більського городища – 2014 р. / Науч. ред. О.Б. Супруненко. Київ-Котельва : Центр пам'яткознавства НАН України, 2015. С. 7–17.

Задников С.А., Шрамко І.Б. Розкопки зольника 13 на Західному укріпленні Більського городища // Археологічні дослідження в Україні 2006–2007 / Гол. ред. Д.Н. Козак. Київ : Академперіодика, 2009. С. 8–10.

Ильинская В.А. Отчет о работе Среднеднепровской экспедиции ИА АН УССР. Киев, 1959 / Архив ИА НАНУ. №1959/7.

Лліньська В.А. Басівське городище // Археологія. 1965. Т. XVIII. С. 48–76.

Каменецкий И.С. История изучения меотов. М.: Таус, 2011. 383 с.

Каравайко Д.В. Памятники юхновской культуры Новгород-Северского Полесья. Киев: ИА НАНУ, 2012. 276 с.

Ковпаненко Г.Т. Племена скіфського часу на Ворсклі. Київ: Наукова думка, 1967. 188 с.

Конаков И.Д. Коми. Охотники и рыболовы во второй половине XIX – начале XX вв. М.: Наука, 1983. 248 с.

Конова Любава. Магия и погребален обред. Глинени культови фігури от некропола на Апология Понтика // Heros Nephastos. Studia in Honorem Liubae Orgnenova—Marinova. Велико Търново, 2005. Рр. 148–164.

Коцура А.Г. Ремесленные мотивы Кошарского зольника // Наукові праці: Науково-методичний журнал. 2008. Т. 96, вип. 83. С. 73–75.

Куликов А.В. Материалы по изучению древних морских промыслов // Древности Боспора. Т. 1 / Отв. ред. А.А. Масленников. М.: ИА РАН, 1998. С. 186–201.

Либеров П.Д. Памятники скифского времени бассейна Северного Донца // Лесостепные культуры скифского времени / МИА. № 113 / Отв. ред. А.И. Мелюкова. М.: АН СССР, 1962. С. 5–85.

Медведев А.П. Ранний железный век Лесостепного Подонья. Археология и этнокультурная история I тысячелетия до н.э. М.: ИА РАН, 1999. 160 с.

Молева Н.В. Орудия ткачества, прядения и шитья как votivные подношения в Китайском святилище // Из истории античного общества. Вып. 9-10 / Отв. ред. А.В. Махлаюк. Нижний Новгород: ННГУ, 2007. С.80–85.

Молодин В.И. Древнее искусство Западной Сибири (Обь-Иртышская лесостепь). Новосибирск: Наука, 1992. 191 с.

Онайко Н.А. Архаический Торик. Античный город на северо-востоке Понта. –М., 1980. 179 с.

Онайко Н.А. О фанаторийских грузилах: (По материалам раскопок 1936–1940 гг. и 1947–1952 гг.) // Фанатория / МИА. № 57 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: АН СССР, 1956. С. 154–160.

Підобід В.А., Усачук А.М., Циміданов В.В. Культові комплекси на поселеннях бондарихинської культури // Археологія, в печати, 2017.

Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В. Стрелы в обрядах древнего населения Центральной Азии и Сибири (по материалам поселений эпохи бронзы) // Материалы III международной конференции «Кадырбаевские чтения – 2012» (14–15 ноября 2012 года) / Науч. ред. А.А. Бисембаев. Актобе: АОЦИЭА, 2012. С. 85–92.

Пузикова А.И. Памятники скифского времени бассейна р.Тускарь (Посеймье). М.: ИА РАН, 1997. 126 с.

Ролле Р., Герц В., Махортих С., Белозор В. Исследования совместной Украинско-Немецкой экспедиции в 2002 г. Киев: ИА НАНУ, 2003. 87 с.

Сарианиди В.И., Бороффка Н.Г.О., Дубова Н.А. Культурные контакты Маргианы (Туркменистан) в III тыс. до н.э. Новые данные по Гонур Депе (погребение № 4150). // Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 5: Исследования Гонур Депе в 2011–2013 гг. / Отв. ред. В.И. Сарианиди. М.: Старый сад, 2014. С.127–137.

Супруненко О.Б. Культурні і побутові об'єкти на пізньоскіфському поселенні в ур. «Поле 2-ї бригади» // Археологічні дослідження Більського городища – 2013 р. / Науч. ред. О.Б. Супруненко. Київ- Котельва : Центр пам'яткознавства НАН України, 2014. С. 65–82.

Цигилик В.М. Нові пізньочерняхівські житла на Львівщині // Проблеми походження та історичного розвитку слов'ян / Відп. ред. В.Д. Баран. Київ-Львів: РАС, 1997. С. 104–110.

Широкова Н.С. Огмий – кельтский бог «связыватель» // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 1 / Отв. ред. Э.Д. Фролов. СПб.: СПбГУ, 2002. С. 253–262.

Шпилев А. Г. Курские меланхлены // Зорин А.В., Стародубцев Г.Ю., Чубур А.А., Шпилев А.Г. Летопись курского края. Курск: Полстар, 2014. С. 60–67.

Шрамко Б.А. Отчет о работе Скифо-славянской археологической экспедиции Харьковского гос. ун-та им. А.М. Горького. Харьков, 1971 / Архив ИА НАНУ. № 1971/46.

Шрамко Б.А. Отчет о работе Скифо-славянской археологической экспедиции Харьковского государственного университета. Харьков, 1974 / Архив ИА НАНУ. № 1974/48.

Шрамко Б.А. Отчет о работе Скифо-славянской археологической экспедиции Харьковского гос. университета в 1978 г. Харьков, 1978 / Архив ИА НАНУ. № 1978/70.

Шрамко Б.А. Отчет о работе скифо-славянской археологической экспедиции. Харьков, 1982 / Архив ИА НАНУ. № 1982/147.

Шрамко Б.А. Отчет о работе скифо-славянской экспедиции Харьковского гос. университета им. А.М. Горького в 1976 г. Харьков, 1976 / Архив ИА НАНУ. № 1976/64.

Шрамко Б.А. Отчет о работе Скифо-славянской экспедиции ХГУ в 1973 г. Харьков, 1973 / ИА НАНУ. № 1973/69.

Шрамко Б.А. Отчет о работе Скифо-славянской экспедиции ХГУ в 1985 г. Харьков, 1985 / Архив ИА НАНУ. № 1985/56.

Шрамко Б.А. Отчет о работе скифо-славянской экспедиции ХГУ в 1992 г. Харьков, 1992 / Архив ИА НАНУ. № 1992/55.

Шрамко Б.А. Отчет о раскопках и разведках скифо-славянской экспедиции ХГУ в 1967 г. Харьков, 1967 / Архив ИА НАНУ. № 1967/80.

Шрамко Б.А. Отчет о раскопках скифо-сарматской экспедиции ХГУ в 1986 г. Харьков, 1986 / Архив ИА НАНУ. № 1986/111.

Шрамко Б.А. Отчёт о раскопках Скифо-славянской археологической экспедиции Харьковского госуниверситета им. А.М. Горького в 1988 г. Харьков, 1988 / Архив ИА НАНУ. № 1988/58.

Шрамко Б.А. Отчет об археологических исследованиях скифо-славянской экспедиции ХГУ в 1983 году в Полтавской и Харьковской областях. Харьков, 1983 / Архив ИА НАНУ. № 1983/53.

Шрамко Б.А. Отчет об археологических исследованиях Скифо-славянской археологической экспедиции ХГУ. Харьков, 1984 / Архив ИА НАНУ. № 1984/110.

Шрамко Б.А. Отчет об археологических работах, проведенных в бассейнах р. Северского Донца и Ворсклы. Харьков, 1970 / Архив ИА НАНУ. № 1970/70.

Шрамко Б.А. Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). Киев: Наукова думка, 1987. 185 с.

Шрамко Б.А. Восточное Укрепление Бельского городища // Скифские древности / Отв. ред. А.И. Тереножкин. Киев: Наукова думка, 1973. С. 82–112.

Шрамко Б.А. Глиняные скульптуры лесостепной Скифии // РА. 1999. № 3. С. 35–49.

Шрамко Б.А. Комплекс глиняных скульптур Бельского городища // Більське городище в контексті вивчення пам'яток раннього залізного віку Європи / Гол. ред. О.Б. Супруненко. Полтава: Археологія, 1996. С. 67–87.

Шрамко Б.А. Люботинское городище // Люботинское городище / Отв. ред.. Ю.В. Буйнов. Харьков: ХГУ, 1998. С. 9–131.

Шрамко Б.А. Новые находки на Бельском городище и некоторые вопросы формирования и семантики образов звериного стиля // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии / Отв. ред. А.И. Мелюкова. М.Г. Мошкова. М.: Наука, 1976. С. 194–209.

Шрамко Б.А. Селище та могильник ранньої залізної доби біля с. Островерхівка // Археологічні пам'ятки УРСР. Т. 6. Київ: ІА АН УРСР, 1956. С. 56–65.

Шрамко Б.А. Следы земледельческого культа у лесостепных племен Северского Причерноморья в раннем железном веке // СА. 1957. № 1. С. 178–198.

Шрамко Б.А., Радзиевская В.Е. Усадьба косторезной мастерской на Бельском городище // СА. 1980. № 4. С. 181–189.

Шрамко И.Б. Отчет о раскопках на Бельском городище в 1990 г. Харьков, 1990 / Архив ИА НАНУ. № 1990/70.

Шрамко І.Б., Задніков С.А. Культові споруди VI ст. до н.е. Західного Більського городища // Археологічний літопис Лівобережної України. № 2 (20) / Гол. ред. О.Б. Супруненко. Полтава: Археологія, 2006. С. 12–28.

Щербань Анатолій. Прядіння і ткацтво у населення Лівобережного Лісостепу України VII – початку III століття до н.е. (за глиняними виробами). Київ: Молодь, 2007. 256 с.

Belanová T., Čambal R., Stegmann-Rajtár S. Die Weberin von Nové Košariská – Die Webstuhlbefunde in der Siedlung von Nové Košariská im Vergleich mit ähnlichen Fundplätzen des östlichen Hallstattkulturkreises / M. Blečić usw. (Hrsg.) / Scripta praehistorica in honorem Biba Teržan, Situla: dissertationes; T. 44. Ljubljana: Narodni muzej Slovenije, 2007. Pp. 419–434.

Belanová T., Štolcová T., Grömer K. Loom-weights, Spindles and Textiles – Textile Production in Central Europe from the Bronze Age to the Iron Age / E.B. Andersson Strand usw. (eds.) / North European Symposium for Archaeological Textiles X, 13.-18.5.2008 in Copenhagen / Ancient Textiles Series 5. Oxford: Oxbow Books, 2010. Pp. 9–20.

Bockisch-Bräuer Christine. Die Miniatur-Webgewichte aus Speikern – Reste urnenfelderzeitlicher Gräber in der Flur «im Rödelberg»? // Natur und Mensch – Jahresmitteilungen der Naturhistorischen Gesellschaft Nürnberg e.V. Nürnberg, 2012. Pp. 29–43.

Boertien Jeannette H. A Simulation Experiment in the Context of a Technological of Levantine Iron Age Clay Loom Weights // Leiden Journal of Pottery Studies. Vol. 25. Leiden: Leiden University Press, 2009. Pp. 31–45.

Cheval Carole. Protohistoric weaving, the Minoan loom-weights: a first approach // C. Alfaro, L. Karali (eds.). Purpureae Vestes. II Symposium Internacional sobre Textiles y Tintes del Mediterraneo en el mundo antiguo. Valencia: University of Valencia, 2008. Pp. 19–24.

Daragan Marina, Gavriš Pyotr. On Manifestations of the Cult of Human Skulls in the Knyshevskoye Fortified Settlement dating from the Scythian Period // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia, 2017, Volume 23, Issue 1, forthcoming. P. 251–328.

Davidson R. Gladys. Corinth. Vol. XII: The Minor Objects. Princeton: American School of Classical Studies at Athens, 1952. 383 p.

Gleba Margarita. Textile Production in Pre-Roman Italy. Oxford: Oxbow Books, 2008. 280 p.

Kerman Branko. Karamični oltar iz halštatske naselbine Kotare-Baza near Muzska Sobota // S.T. Hvala (ed.). Studia Praehistorica in Honorem Janez Dular. Ljubljana, 2014. Pp. 297–309.

Kerman Branko. Karamični oltar iz halštatske naselbine Kotare-Baza near Muzska Sobota // S.T. Hvala (ed.). Studia Praehistorica in Honorem Janez Dular. Ljubljana, 2014. Pp. 297–309.

Martensson Linda, Nosch Merie-Louise, Batzer Anne. Technical Report. Experimental Archaeology. Part 4, Loom weights // Tools and Textiles – Texts and Contexts Research Programme. The Danish National Research Foundation's Centre for Textile Research (CTR) Copenhagen: University of Copenhagen, 2007. 1–15 p.

Martensson Linda, Nosch Merie-Louise, Strand Andersson Eva. Shape of things: Understanding a loom weight // Oxford Journal of Archaeology. 2009. Vol. 28 (4). Pp. 373–398.

Nagy László. A tűzikutya és holdidol kérdése magyarországi leletek alapján. (Zur Feuerbock- und Mondidolfrage aufgrund der ungarländischen Funde.) // Veszprém Megyei Múzeumok Közleményei. T. 14. Veszprém, 1979. Pp. 19–73.

Siennicka M. Textile Production in Early Helladic Tiryns // M.-L. Nosch, R. Laffineur (eds.). KOSMOS. Jewellery, Adornment and Textiles in the Aegean Bronze Age. Proceedings of the 13th International Aegean Conference. 13e Rencontre égéenne internationale, University of Copenhagen, Danish National Research Foundation's Centre for Textile Research, 21–26 April 2010, Aegaeum 33. Liège, 2012. Pp. 65–75.

Sirbu Valeriu. Man and Gods in the Geto-Dacian World – archaeological testimony. Braşov, 2006. 280 p.

Štolcová T., Zajonc J. Interdisciplinary reconstruction of weaving on the warp-weighted loom in the Hallstatt Period // K. Grömer, F. Pritchard (eds.). Aspects of the Design, Production and Use of Textiles and Clothing from the Bronze Age to the Early Modern Era. NESAT XII. The North European Symposium for Archaeological Textiles, 21.–24.5.2014 in Hallstatt, Austria / Archaeolingua Main Series 33. Budapest, 2015. Pp. 295–307.

Teržan Biba. Weben und Zeitmessen im südostalpinen und westpannonischen Gebiet // E. Jerem/A. Lippert (Hrsg.). Die Osthallstattkultur. Akten des Internationalen Symposiums, Sopron, 10–14 Mai 1994. Budapest, 1996. Pp. 507–536.

Zachos Georgios A. Epeios in Greece and Italy. Two Different Traditions in One Person // ATHENAEUM. Studi di Letteratura e Storia dell'Antichità pubblicati sotto gli auspici dell'Università di Pavia. Volume Centunesimo I. Pavia: Università degli Studi di Pavia, 2013. Pp. 5–24.

Информация об авторе

Дараган Марина Николаевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии НАН Украины (Киев, Украина); daragan@iananu.org.ua; darmar@ukr.net

THE DISCOVERY OF CLAY CONES AT THE SETTLEMENTS OF THE SCYTHIAN PERIOD FROM UKRAINIAN LEFT-BANK FOREST-STEPPE REGION (ARCHAEOLOGICAL CONTEXTS AND SPATIAL ANALYSIS)¹³

M.N. Daragan

The paper is dedicated to the investigation of one of the most numerous categories of findings discovered at the settlements of the Scythian period located in the Dnieper left-bank forest-steppe area - the so-called clay cones. These products 5-10 cm in height feature occasional through holes and indentations (frequently symmetrical), and in other cases have a smooth surface. Certain specimens are characterized by a combination of through holes and indentations. The functional purpose of the cones remains unclear. Archaeological contexts are considered, in which the cones from Knyshovsky and Belsky settlements have been discovered. With the aid of spatial analysis tools, the researchers have established that the cone clusters meet are encountered in the cultural layer, pits and in the vicinity of credence tables. A study of the accompanying findings allowed to draw preliminary conclusions regarding the functional purpose of the different types of cones. Researchers consider their optional use as weaving and fishing weights, and raise the question of their application in the cult practices of the local population.

Keywords : Early Iron Age, Ukrainian forest-steppe area, settlements, clay ware, cones, rollers, credence tables, cult practices, weaving, fishing, spatial analysis, Scythians, antiquity.

About the author:

Daragan Marina N. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine. Volodymyrska St., 54, Kiev, 01030, Ukraine; daragan@iananu.org.ua; darmar@ukr.net

¹³ The work was carried out within the framework of a grant provided by Alexander von Humboldt Stiftung on the following topic: Assimilation and transformation of the space at the end of the Bronze Age - early Iron Age in the Northern Black Sea Coast: geo-information analysis of the transformation of the settlement and burial structures. The interpretation of this category of findings was facilitated by the results of studying the spatial situation at the settlements of the Scythian period. The most thoroughly studied settlement were selected as models: Vostochno-Belskoe settlement with a total area of 72 hectares and Knyshovskoe settlements with an areas of 4/5 hectares feature 45 and 5 thousand square meters of excavated territory, respectively. The keen interest of researchers in conical weights is accounted for by the fact that they frequently accompanied cult complexes and the associated discoveries of human skulls (Daragan, Gavrish, 2017).

Рис. 1. Кнышовское городище. План городища с отмеченным исследованным участком.

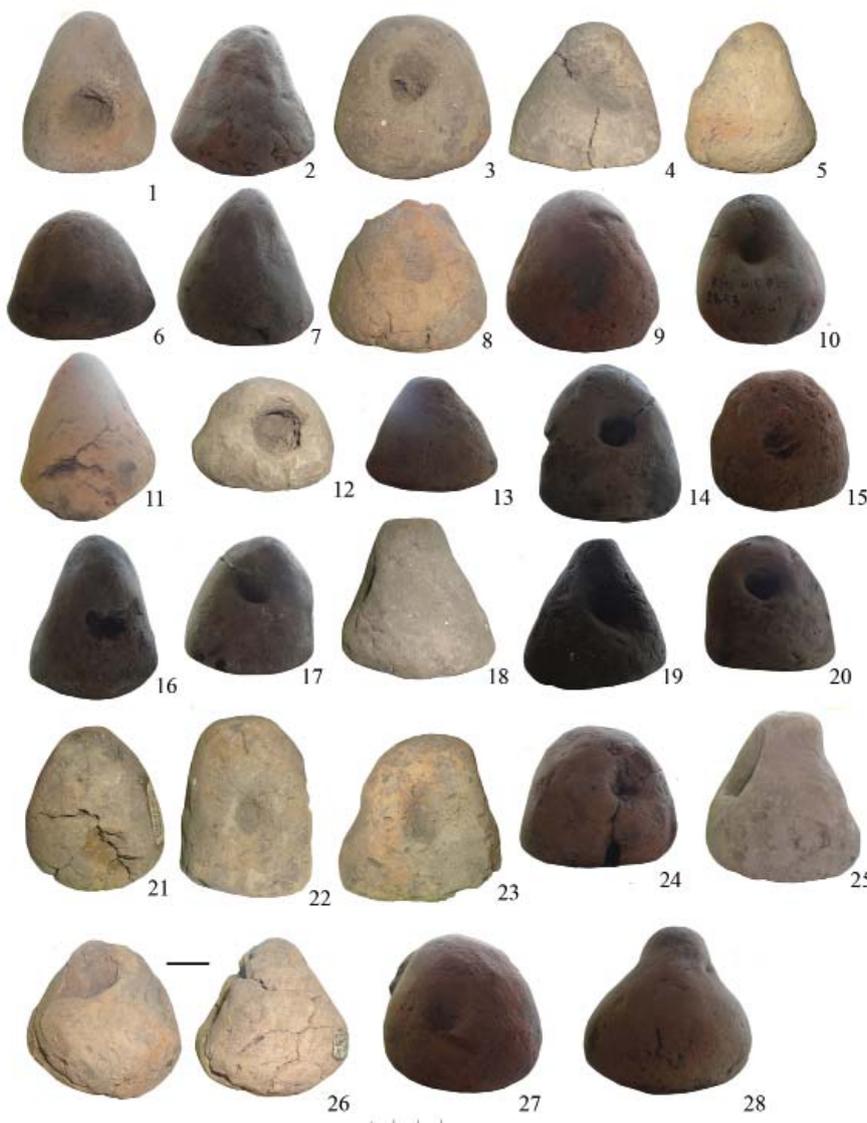
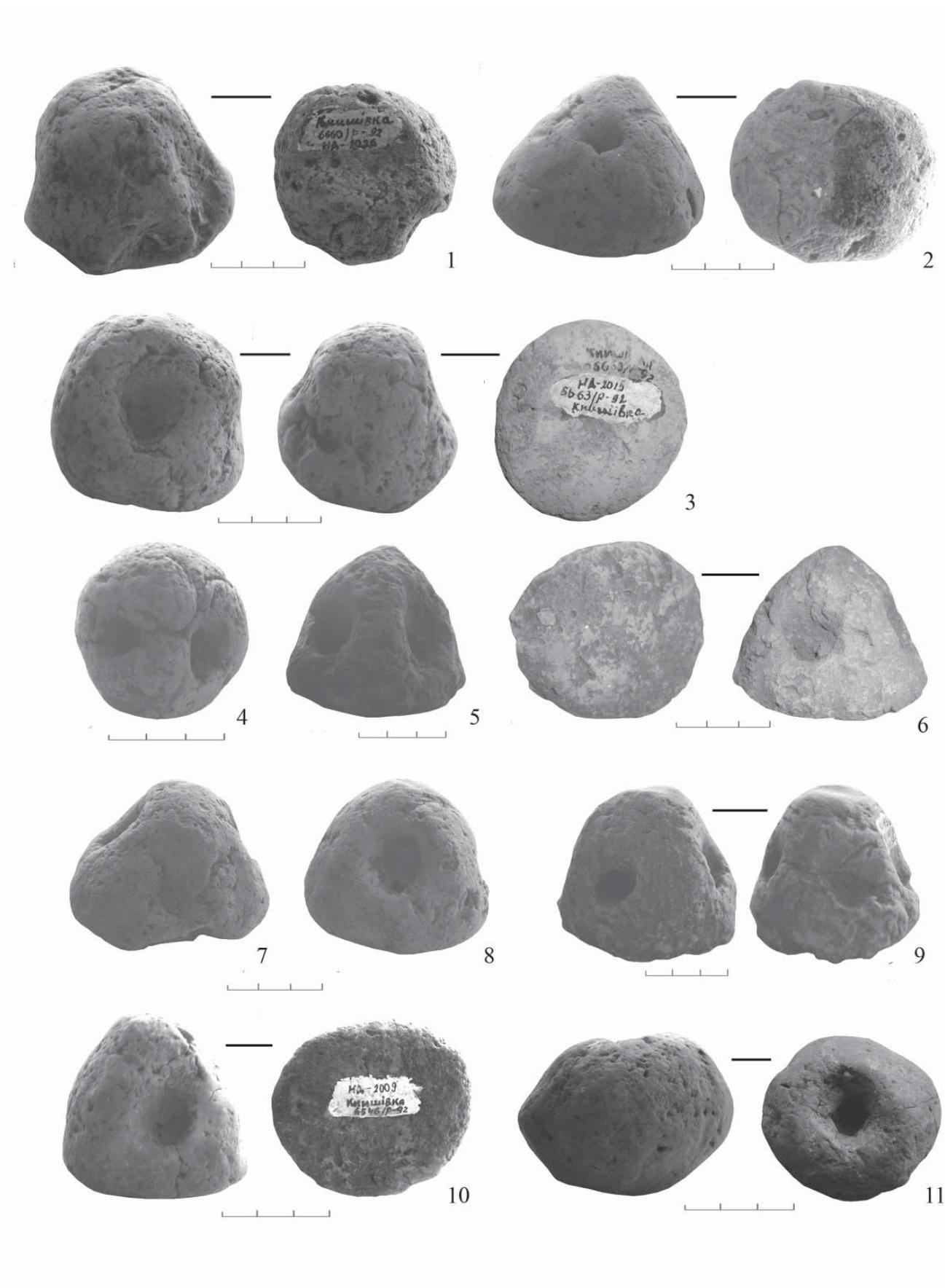

Рис. 2. Кнышовское городище.
 1 – кв. 44/Ю34;
 2, 4, 25 – скопление к северу от жертвенника № 25;
 3 – кв. 6/Ю14; 5 – яма 192;
 7 – кв. 16/С63; 8 – яма 130;
 9 – яма 117; 10, 28 – скопление возле жертвенника № 25;
 11, 20 – яма 18;
 12 – яма 142; 13 – кв. 54/С59;
 15, 27 – яма 117; 17 – над ямой 17; 18, 19 – скопление возле жертвенников №№ 6 и 7; 21 – кв. 31/Ю50; 22 – кв. 21/Ю27;
 24 – яма 117; 26 – яма 82;
 6, 14, 16, 23 – из культурного слоя. (Раскопки П.А. Гавриша 1988–1993 гг. Фонды НМЗУГ).

Рис. 3. Княшиновское городище. 1, 3, 7, 8 – яма 143; 2 – кв. 5/С46 – рядом с жертвенником № 25; 4–6, 9 – скопление над ямой 57; 10 – кв. 41/Ю39; 11 – кв. 47/С102. (Раскопки П.А. Гавриша 1988–1993 гг. Фонды НМЗУГ).

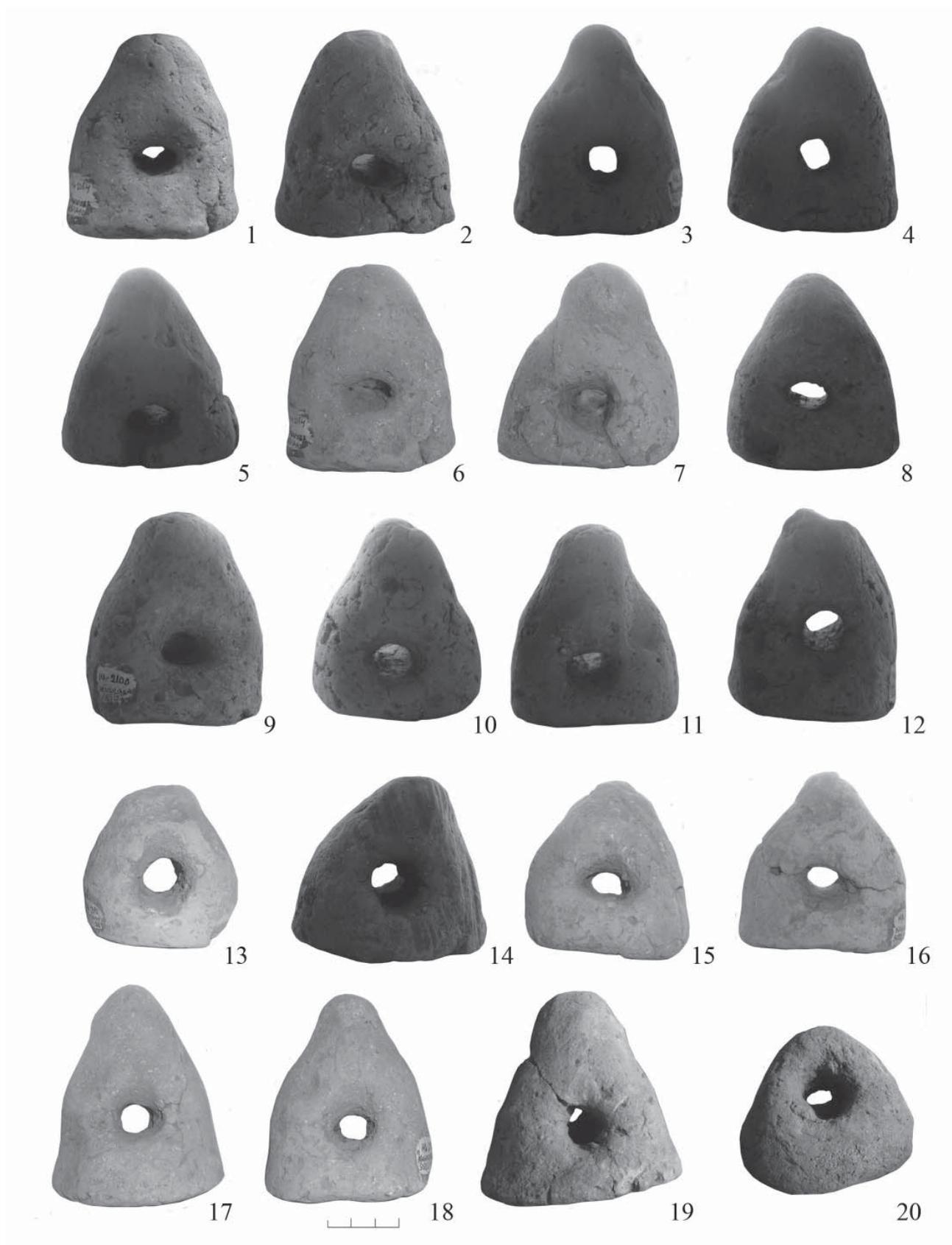
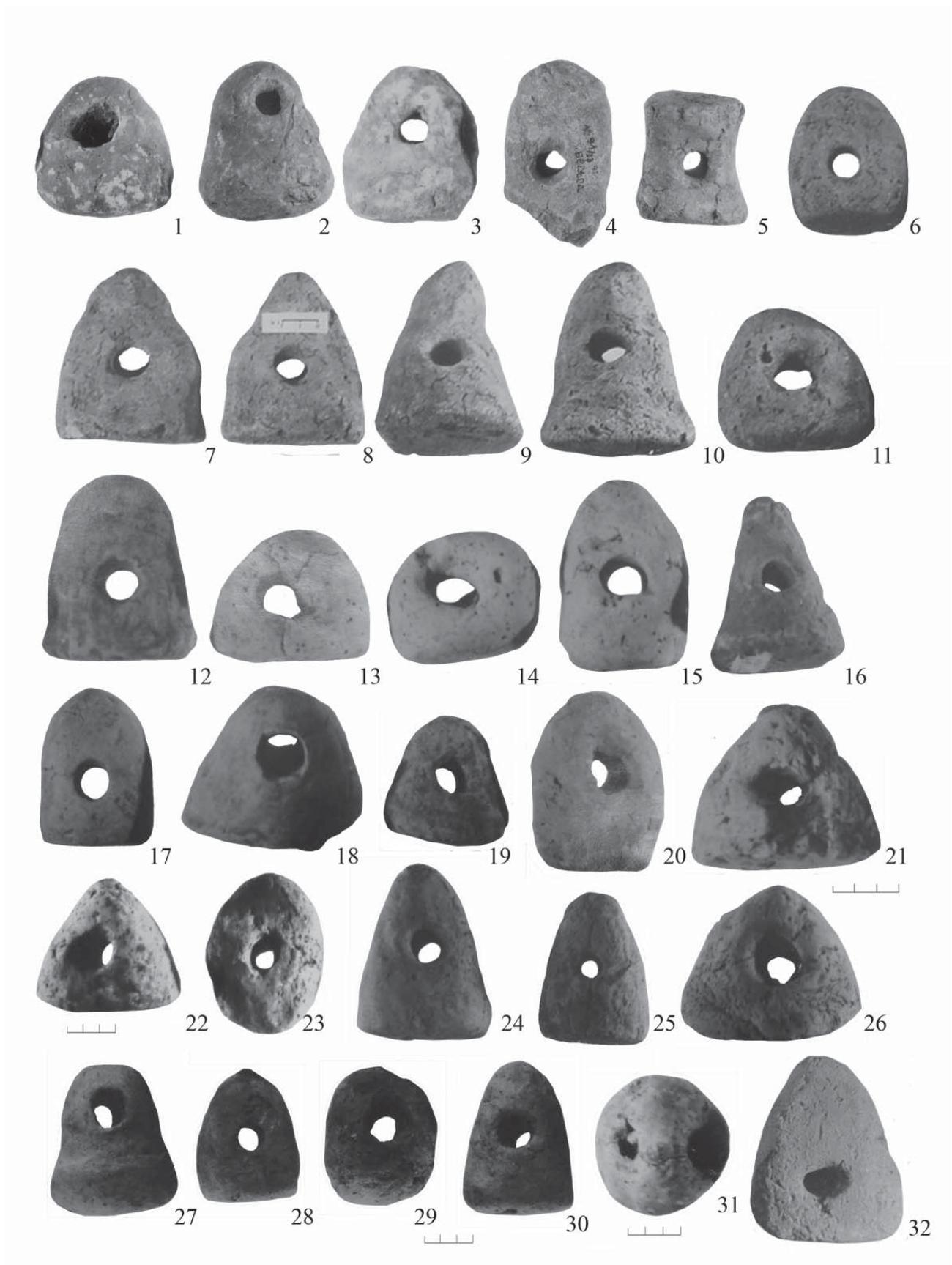
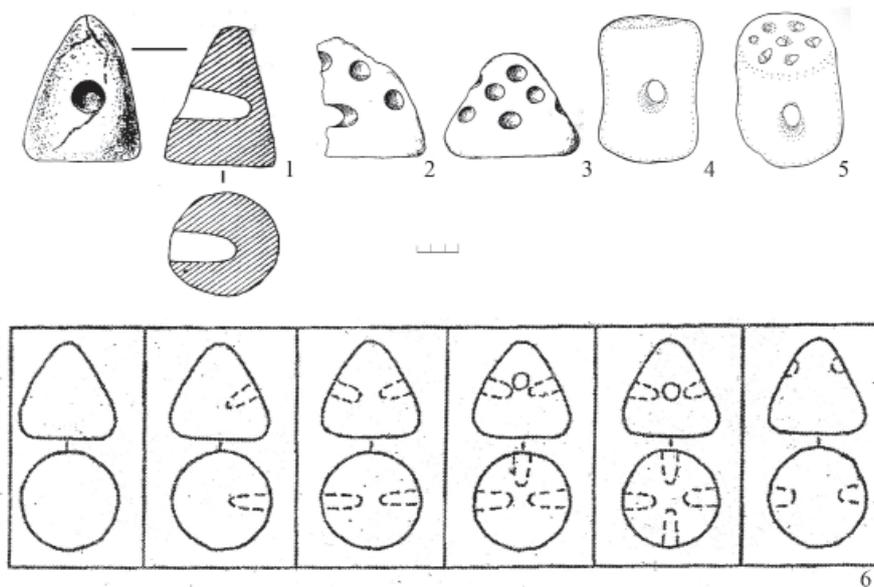

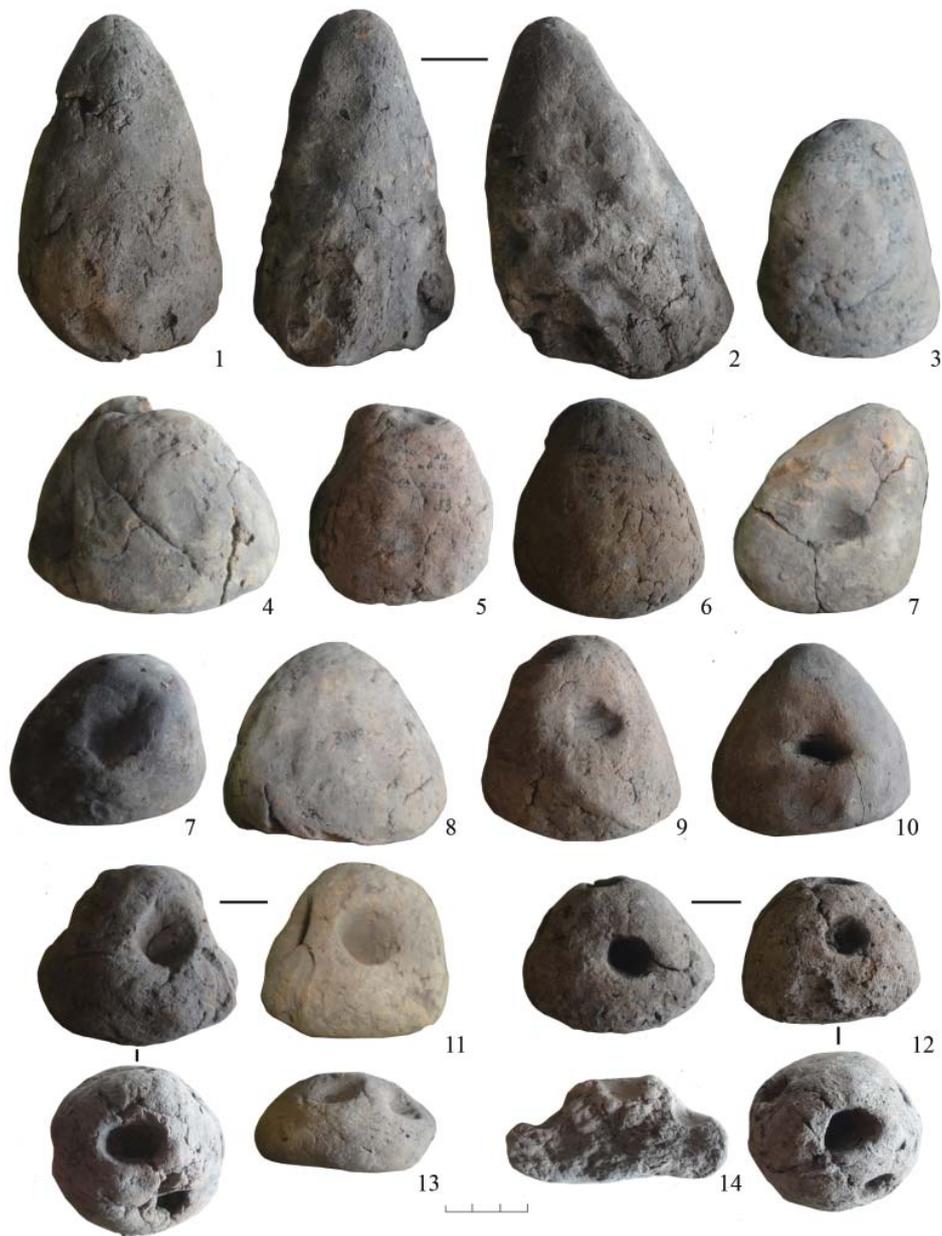
Рис. 4. Кнышовское городище. 1–18 – яма 84. (Раскопки П.А.Гавриша. Фонды НМЗУГ); 19–20 – зольник. (Раскопки В.А. Ильинской. Фонды ИА НАНУ).

Рис. 5. Восточное Бельское городище. 1–5 – (по: Шрамко, 1992); 6–11 – (по: Шрамко, 1988); 12–21 – (по: Шрамко, 1985); 22–23 – (по: Шрамко, 1978); 24–26 – (по: Шрамко, 1974); 27–30 – (по: Шрамко, 1967); 31 – (по: Шрамко, 1983); 32 – (по: Щербань, 2007).

Рис. 6. Конусы. 1 – Царина Могила (по: Ролле и др., 2003); 2, 3 – Люботинское городище (по: Шрамко, 1998); 3, 4 – Восточное Бельское городище (по: Щербань, 2007); 4 – Кнышовское городище (по: Гавриш, 2000).

Рис. 7. Конусы. Басовское городище. (Раскопки В.А. Ильинской 1957 и 1959 гг. Фонды ИА НАНУ).

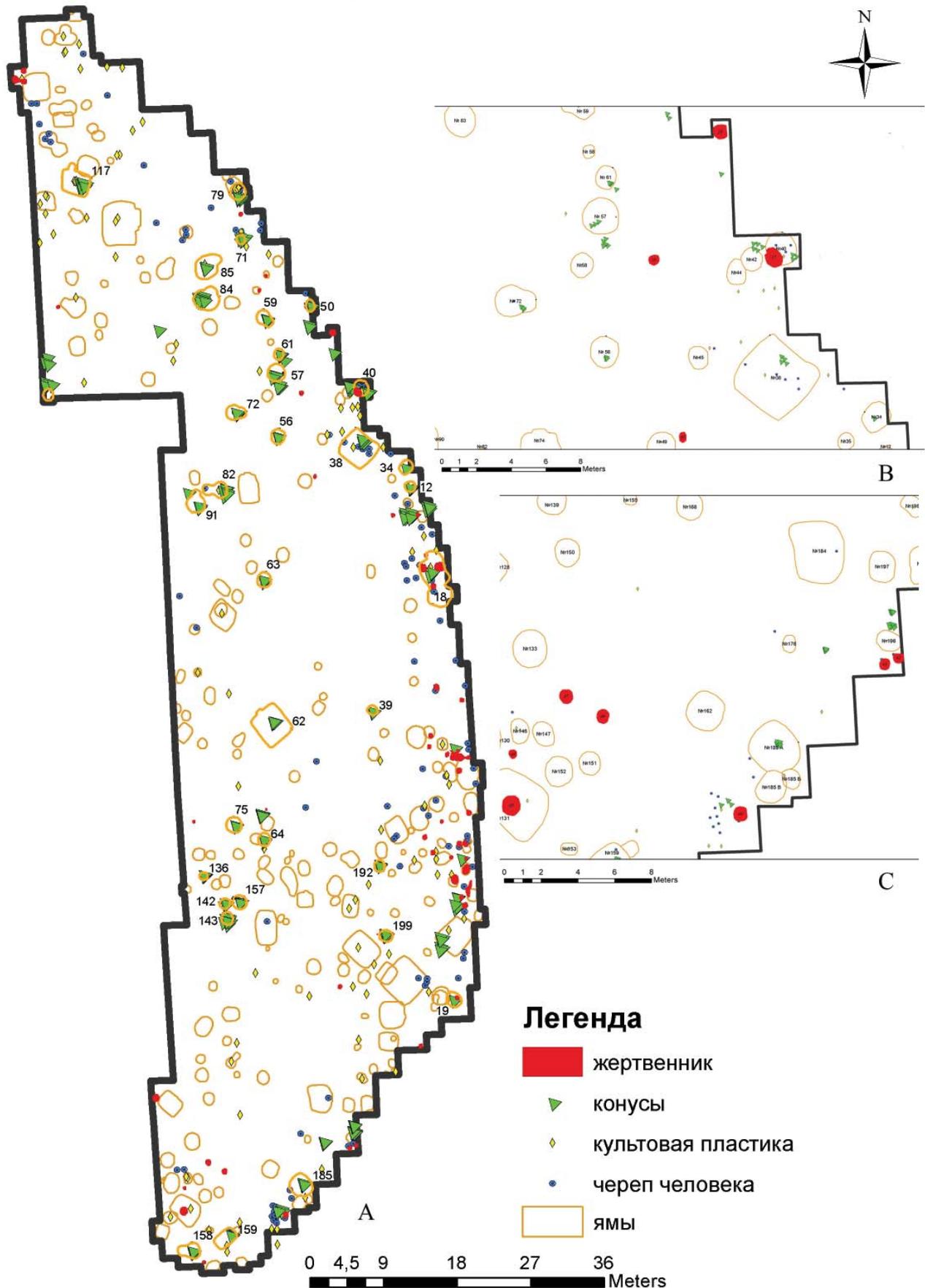
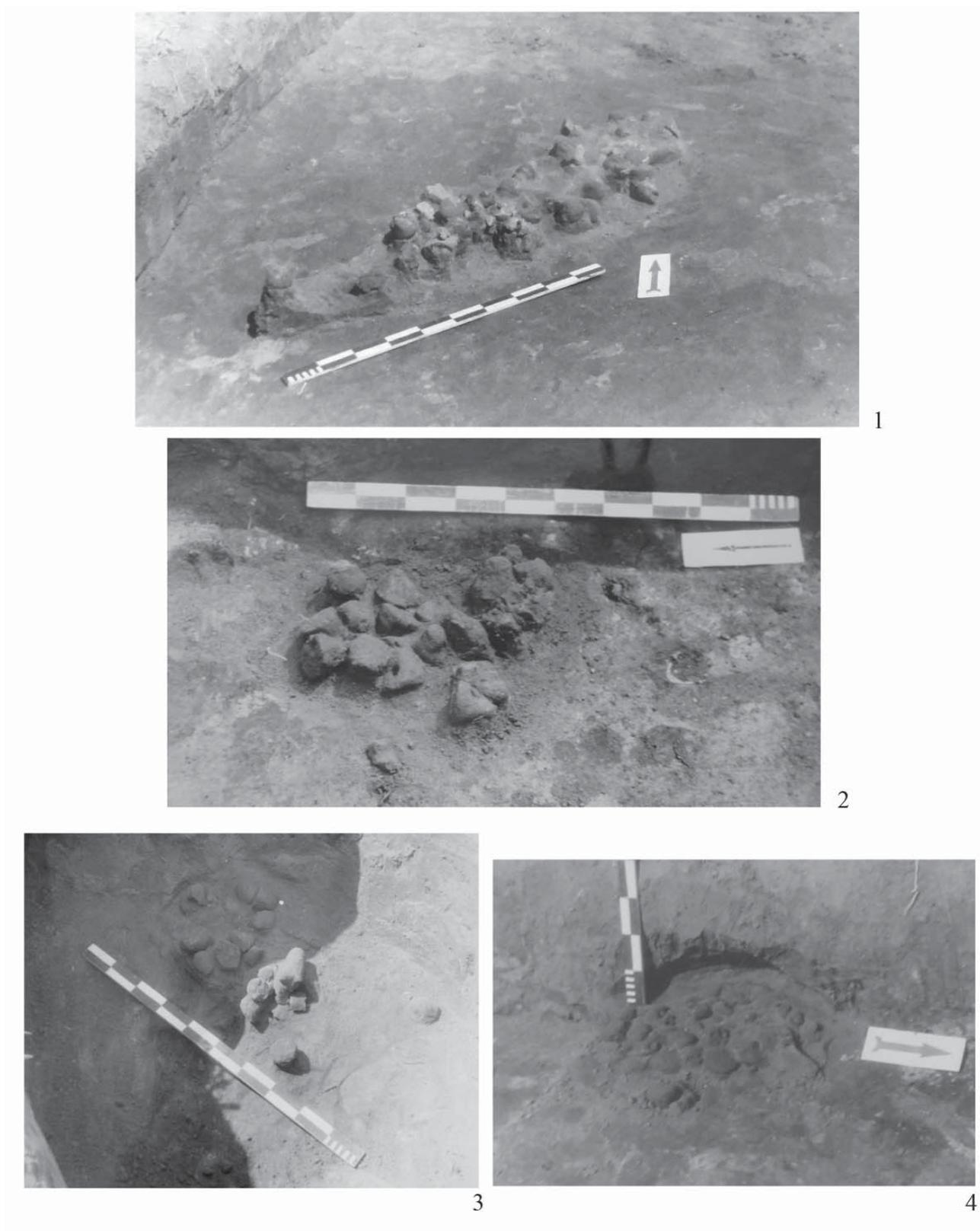

Рис. 8. Кнышовское городище. А – План исследованного участка; В, С – отдельные участки.

Рис. 9. Кнышовское городище. 1 – скопление конусов в кв. 29-30/3-4; 2 – скопление конусов возле жертвенников №№ 6 и 7; 3 – скопление конусов в яме 84; 4 – скопление конусов возле жертвенника № 27 (по: Гавриш, 1989; 1990; 1991).

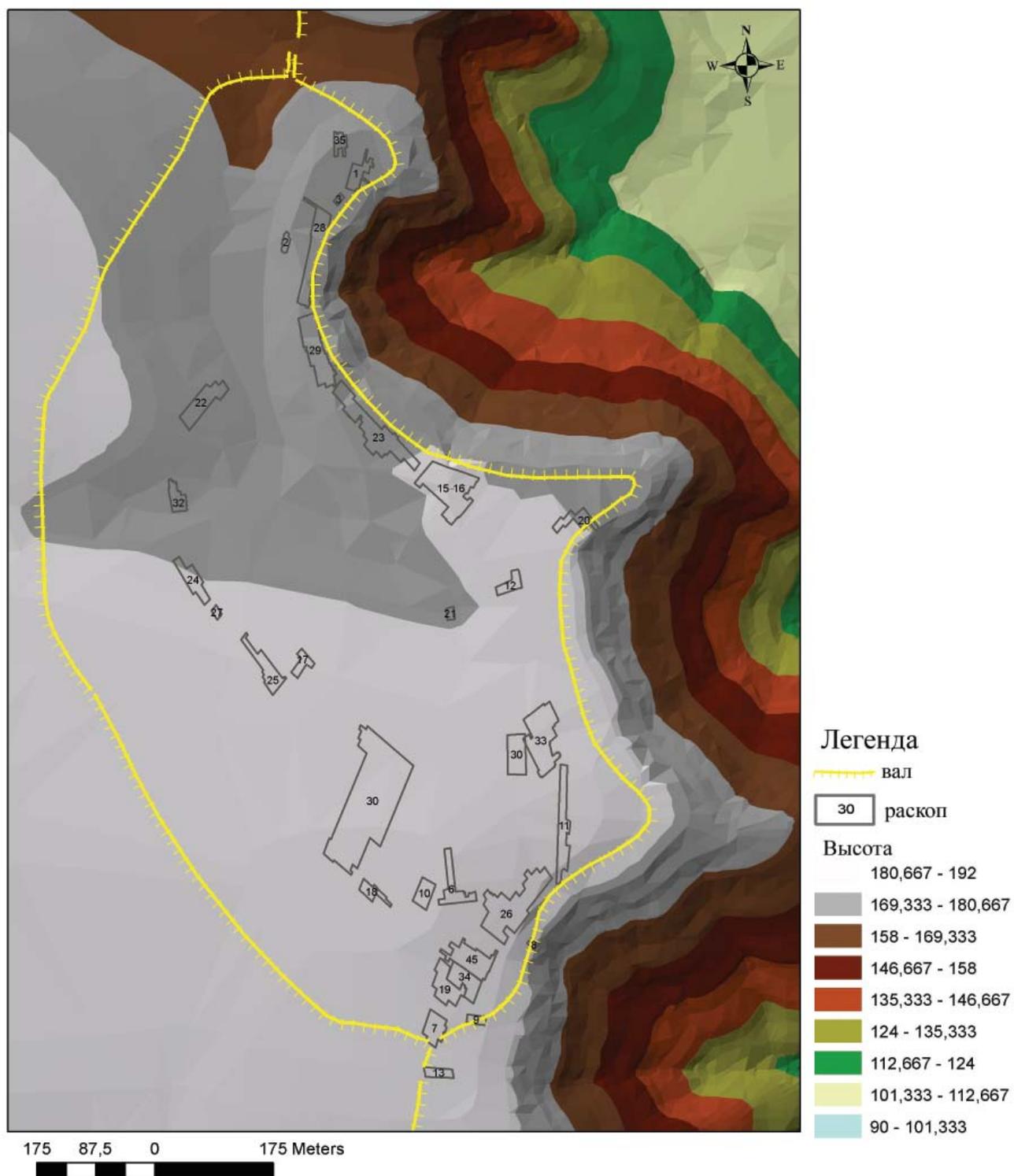

Рис. 10. Восточное Бельское городище. План.

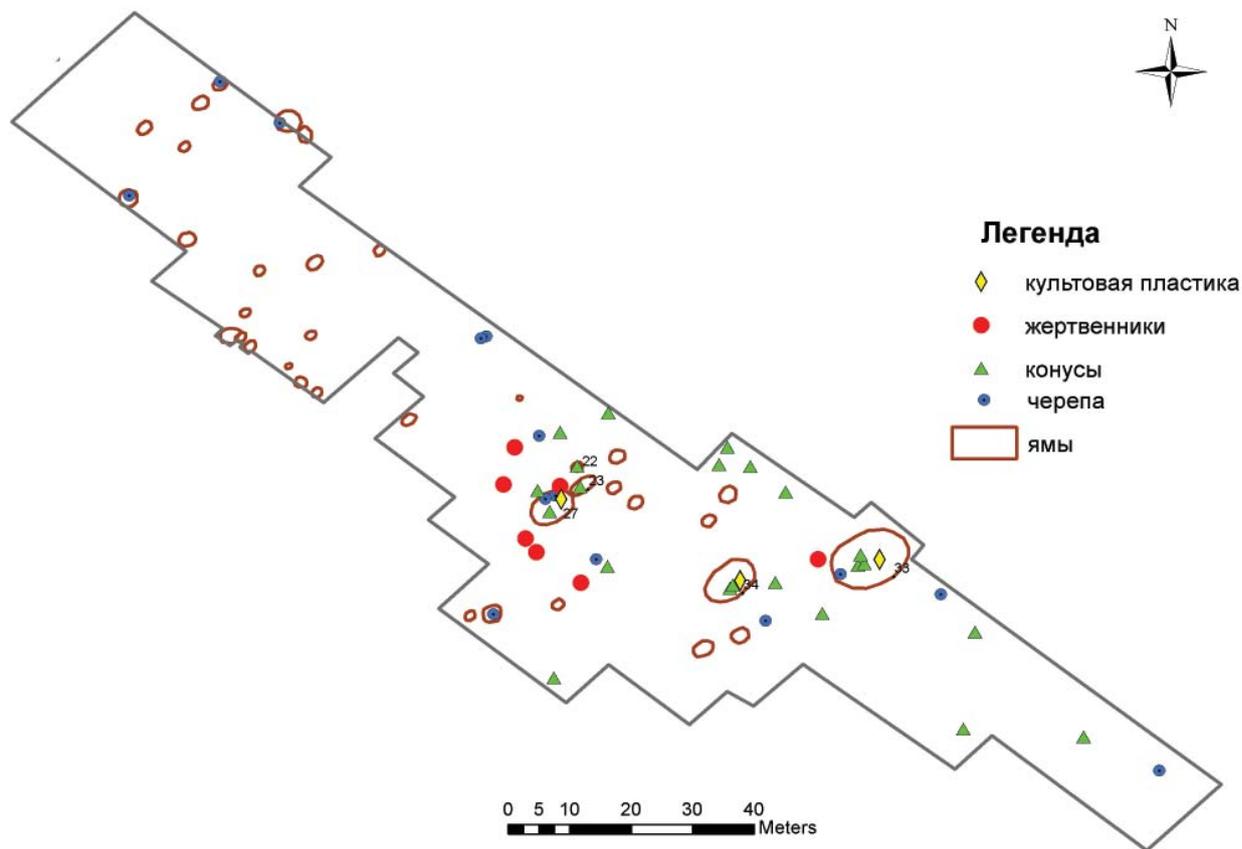

Рис. 11. Восточное Бельское городище. Раскоп 23.

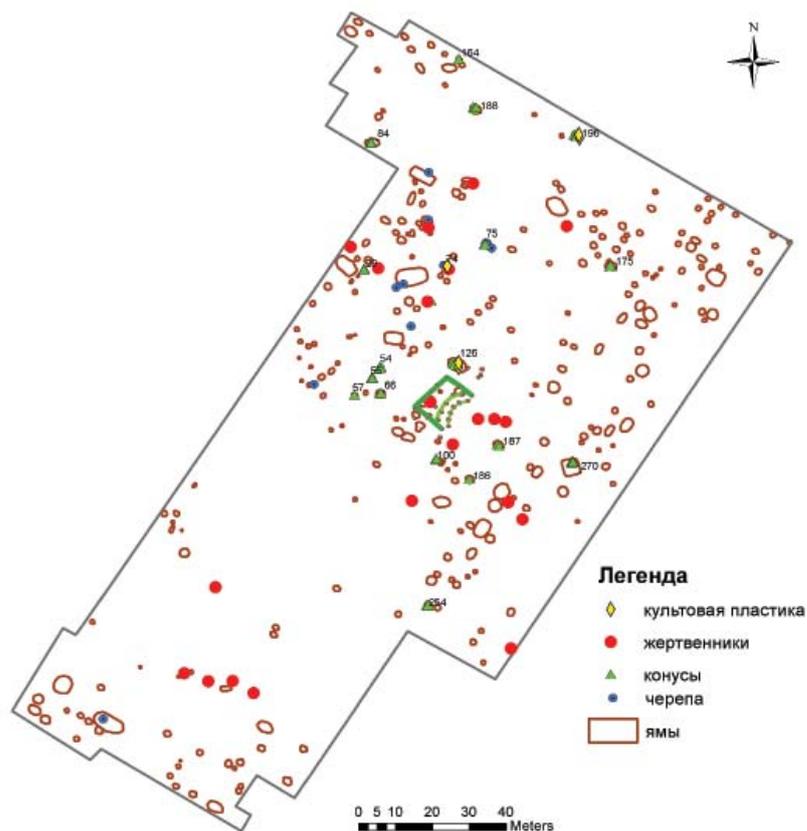

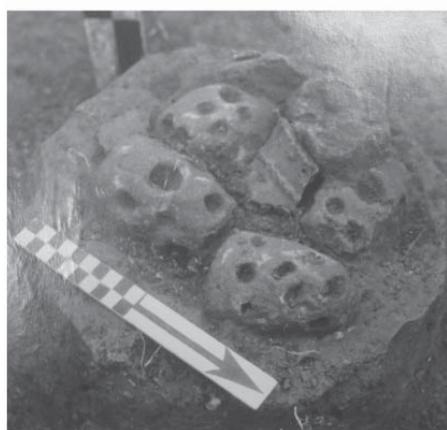
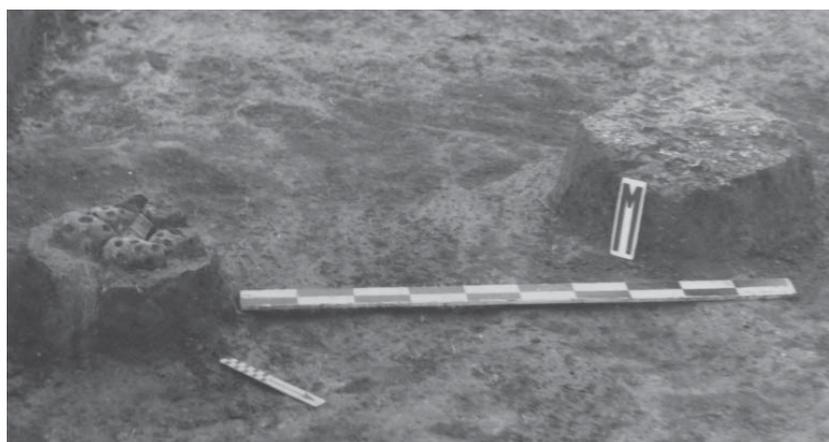
Рис. 12. Восточное Бельское городище.
Раскоп 30.

Рис. 13. Восточное Бельское городище. Скопление конусов в яме 34 раскопа 26 (по: Шрамко, 1976).

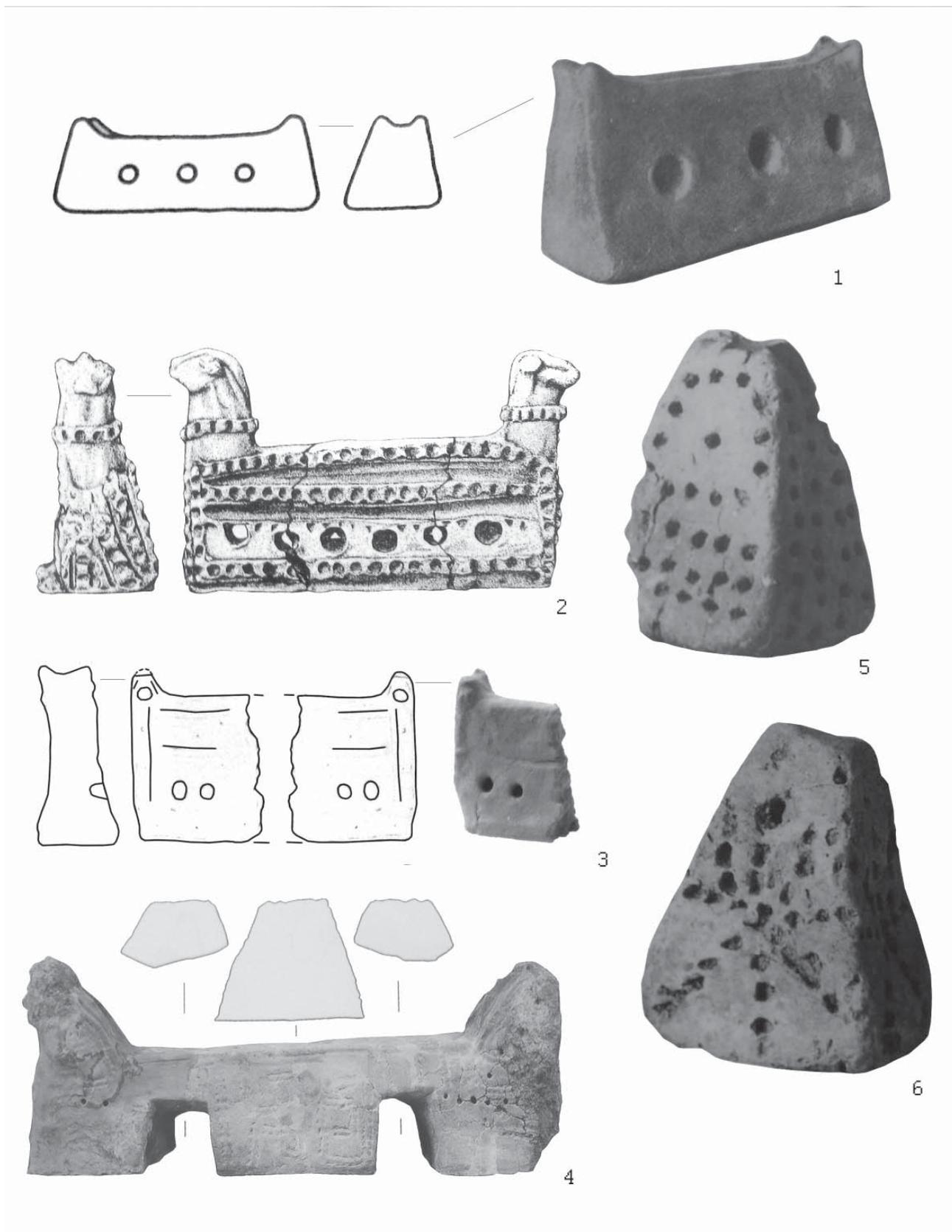
Рис. 14. Восточное Бельское городище. Скопление конусов в яме 32 раскопа 26 (по: Шрамко, 1976).

Рис. 15. Восточное Бельское городище. Раскоп 30. Скопление конусов возле жертвенника М (по: Шрамко, 1982).

Рис. 16. Кнышовское городище. Глиняные вальки «хлебцы». 1, 2, 10 – яма 192; 3, 8, 9 – в печке на засыпке ямы 61; 4–7 – в кв. 20/С65 вблизи жертвенника № 28. (Раскопки П.А. Гавриша. Фонды НМЗУГ).

Рис. 17. Трапециевидные глиняные жертвенники и орнаментированные грузила гальштатского времени южноальпийского региона. 1 – Zöröghegy; 2 – Stična; 3 – Kotare – Baza pri Murski Soboti; 4 – Vat (по: Kerman, 2014); 5, 6 – Рифник (по: Teržan, 1996).

Рис. 18. Успенское поселение, жертвенник (по: Шпилев, 2014).